Годъ II-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

МАРТЪ.

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(О. Кайдановой).

Глава I.

Лѣтомъ 1892 года мы съ отцомъ пріѣхали въ городъ N. Симбирской губ., а оттуда, осмотрѣвъ нѣсколько окрестныхъ деревень, переѣхали въ село Коптевку, расположенное у прекраснаго сосноваго бора на берегу небольшой рѣчки. Коптевка принадлежала прежде удѣльному вѣдомству, и лишь небольшая часть крестьянъ (дворовъ 20) были крѣпостными.

Въ теплый іюньскій вечеръ въѣзжали мы въ село. Переѣзжая въ бродъ рѣчку, мы прежде всего обратили на себя вниманіе толпы ребятъ, купавшихся у мостковъ, на которыхъ двѣ бабы колотили бѣлье; ребята окружили телѣгу, а нѣкоторые изъ нихъ, бросивъ купанье, бѣжали вслѣдъ за нами, пока мы не остановились у избы Никифора Д., нанятой нами раньше.

Разложивъ вещи, мы вышли на крылечко; ребятишки и бабы, держась поодаль, разглядывали насъ, но черезъ нѣкоторое время подошли къ намъ и скоро, перебивая другъ друга, уже разсказывали намъ о томъ, какъ Акулька чуть не убилась, Мотря чуть не утопла, а Агафья уронила „паренька на земь“. Свечерѣло. Дѣти разошлись по домамъ спать. Вся улица опустѣла. Но у нашего окна я услышала сдержанный шепотъ. Двѣ дѣвочки, прильнувъ къ стеклу, глядѣли на насъ. Я отворила окно. Онѣ сначала испугались меня. Я заговорила съ ними. „Мы глядимъ, какъ у тебя въ избѣ гоже прибрано! Вотъ намъ бы въ такой-то пожить! Занавѣски у тебя какія красивыя! А постель! Нешто ты на этой постели спать станешь?“ Говорилось это съ такимъ восхищеніемъ, любопытствомъ, будто въ самомъ дѣлѣ въ избѣ нашей было какое-

нибудь особенное убранство; личико говорившей раскраснѣлось отъ волненія.

— Глядь! глядь! вонъ звѣздочка покатилась!—воскликнула она вдругъ.

— А батюшки!—со страхомъ отозвалась другая.

— Чего ты испугалась?—спросила я.

— Да какъ же не пугаться-то? вѣдь это, чай, нечистая сила летаетъ. Мы и то думали допрежъ, что это звѣздочка, а после ужъ узнали, что это нечистая сила.

Все это сказано было съ такою увѣренностью, какъ будто рѣчь шла о самомъ близкомъ, осязаемомъ, предметѣ...

— Вотъ лѣшихъ у насъ, слава Богу, не больно много водится!—серьезнымъ тономъ взрослаго человѣка продолжала Аксюта:—въ бору такъ ихъ вовсе нѣтъ. А у васъ они водятся?—спросила она съ любопытствомъ.

Мое утвержденіе, что видимой нечистой силы нѣтъ—не произвело на нихъ ровно никакого впечатлѣнія: меня просто не поняли, не допуская и мысли, что нечистую силу кто-либо можетъ отвергать.

— Хотите ли вы учиться у меня грамотѣ?—спросила я ихъ, немного погодя.

— Отчего, дѣло хорошее! мы станемъ учиться; намъ и то завидно: ребятишки (мальчики) ходятъ въ школу, а мы не ходимъ. Въ школѣ, — разсказывали дѣвочки: — учитель больно строгій, дерется, за волосы ребятишекъ треплетъ.

— А что, если и я васъ буду бить? станете вы все же учиться?

— Что-жъ, потерпимъ! — немного подумавъ, все такимъ же тономъ взрослаго человѣка, отвѣтила Аксюта.

— Аксюта! — прервала ее подруга: — тебя, поди, мать кличетъ!

И обѣ онѣ съ необыкновенной быстротой соскочили съ приступки и исчезли въ темнотѣ.

— Прощай!—крикнули онѣ мнѣ, убѣгая. Въ концѣ улицы раздался стукъ караульщика въ доску, который только и нарушалъ безмолвіе деревенской ночи. Я не успѣла еще заснуть, какъ уже раздался рожокъ пастуха, выгонявшаго стадо. Было половина втораго. Съ 2-хъ часовъ подымаются на ноги бабы, а часа въ 3 и мужики; не даромъ говорятъ крестьяне, что лѣтній день долгъ, а ночи и не видно.

На другой день, съ утра, подъ моимъ окномъ уже стояла кучка ребятишекъ, изъявившихъ желаніе у меня учиться.

Узнавъ, что въ школу принимаютъ только мальчиковъ, я рѣшила принимать дѣвочекъ. Не разсчитывая пробыть въ деревнѣ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, я опасалась брать многихъ учениц, и записала лишь 12 человѣкъ; позже къ нимъ присоединилось еще трое взрослыхъ: одна баба и двѣ дѣвушки. Мы пріѣхали въ деревню въ четвергъ вечеромъ; я думала, что нѣсколько дней уйдетъ на то, чтобъ осмотрѣться, найти себѣ какое-либо дѣло, и проч., а между тѣмъ нетерпѣніе моихъ будущихъ ученицъ и мое собственное были такъ велики, что мы не дождались понедѣльника и начали занятія съ субботы. Съ субботы же я вступила въ завѣдываніе столовой, устроенной до моего пріѣзда одной мѣстной обывательницей.

Я упомянула о нетерпѣніи, съ которымъ ожидала начала занятій; между тѣмъ это былъ не первый мой педагогическій опытъ; лѣтъ 10 уже занимаюсь я педагогической практикой, но таково ужъ школьное дѣло, что оно никогда не теряетъ интереса. Каждый новый учащійся представляетъ новую, еще неизслѣдованную, почву, своеобразный внутренній міръ.

У меня было 15 ученицъ.

Съ моими ученицами я занималась всего $1^1/_2$ мѣсяца. Понятно, за такое короткое время онѣ не могли научиться многому; нѣкоторыя, можетъ быть, даже разучатся, чему научились, но я не считаю потерянными тѣхъ часовъ, которые проводила съ ними. Занятія сблизили насъ, привязали другъ къ другу... Когда, два мѣсяца спустя послѣ первой встрѣчи, моя босоногая команда, провожая меня, стояла на платформѣ, и мы глядѣли другъ на друга, какъ выражались дѣти, „въ остаточекъ“, мнѣ было больно, а у нихъ въ глазахъ стояли слезы.

— „Ахъ, батюшки!“—вскрикнула Даша, самая маленькая и проворная изъ моихъ ученицъ, завидѣвъ приближающійся поѣздъ:—„она вѣдь сейчасъ уѣдетъ“!

Въ восклицаніи дѣвочки было столько неподдѣльнаго чувства, что крикъ этотъ долго стоялъ у меня въ ушахъ...

Такъ какъ въ 9 часовъ утра я обыкновенно отправлялась въ столовую, то къ этому времени нужно было окончить урокъ; поэтому мы собирались рано, часовъ въ 6 утра.

Несмотря на предстоящій жаркій лѣтній день, въ воздухѣ чувствуется утренняя свѣжесть; на крышѣ воркуютъ голуби. Мои ученицы уже въ сборѣ, но, въ ожиданіи меня, онѣ лежатъ на соломѣ и крѣпко спятъ, укутанныя тулупами. При моемъ появленіи ученицы вскакиваютъ. Мы читаемъ молитву.

— Ну что, не забыли вы, какія мы вчера учили буквы?

— б! ы!—отвѣчаютъ дѣти.

Урокъ проходитъ оживленно; мы не замѣчаемъ, какъ летитъ время; всѣ пишутъ, не поднимая головы, стараясь всѣми силами выводить покрасивѣе „элементы", которые онѣ называютъ „крючками". Лучше всѣхъ дѣло идетъ у взрослыхъ и 13-лѣтней Ольги Сибиряковой, очень способной и не по лѣтамъ серьезной дѣвочки; она необыкновенно сознательно относится къ дѣлу. Процессъ слiянiя звуковъ она усвоила въ два дня, а меньше чѣмъ черезъ три недѣли уже умѣла читать. Взявъ у меня домой первую книгу, къ вечеру она принесла и разсказала прочитанную сказку. У Ольги способности были рѣдкія, и я очень сожалѣла, что ей не пришлось подольше поучиться у меня. Съ Петрова дня мы уже распростились, такъ какъ она нанялась въ сосѣднее село на работу. Послѣ этого мы, впрочемъ, видѣлись еще нѣсколько разъ. Она приходила раза два въ Коптево на праздники. Семья ея была въ самомъ бѣдственномъ положенiи. Ея мать прозвали „Сибирячихой", потому что она съ мужемъ и дѣтьми пришла изъ Сибири. Пробираясь на родину, они остановились въ Коптевкѣ не надолго. Вскорѣ отца Ольги (вѣроятно, бѣглаго) снова „угнали", и женщина съ 4-мя дѣтьми осталась одна, совершенно безъ всякихъ средствъ.

— Чѣмъ живете вы?—допрашивала я Ольгу.

— Да кто знаетъ чѣмъ; такъ колотимся, скитаемся, мать кое-что на людей работаетъ: лѣтомъ жать нанимается, зимой шьетъ на людей. Нянька (старшая сестра) на фабрикѣ; ребята по мiру ходятъ...

— Ну изба хоть есть у васъ своя?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчала дѣвушка.

— Гдѣ же вы живете?

— Да такъ, гдѣ придется, въ чужихъ. Тотъ годъ на задахъ у шабровскихъ (сосѣдей) въ кельѣ жили, эту зиму не знаемъ еще, гдѣ перезимуемъ.

Все это говорилось спокойно, безъ тѣни жалобы. Цѣлая семья жила неизвѣстно чѣмъ, не имѣя даже угла...

— Дуни нѣтъ?—спрашиваю я, повѣряя своихъ ученицъ.

— Дуня по мiру пошла!—отвѣчаютъ мнѣ дѣти.

— Не дай Богъ по мiру теперь ходить,—сочувственно замѣчаетъ кто-то изъ нихъ:—бѣда! подъ каждымъ окномъ настоишься, устанешь, а ничего не наберешь: никто нынче не даетъ: всѣ обѣдняли!

— Въ плохой годъ ты къ намъ пріѣхала, О. В., — вмѣшивается въ разговоръ стоящая за мной наша хозяйка Варвара: —то ли дѣло въ прежніе годы! Къ намъ изъ другихъ селъ за милостыней шли; кусочковъ и не берутъ бывало: мучки, молъ, подавай! Мучкой подаяніе давали, вотъ что!

— А нынче всѣ въ конецъ разорились, —отзывается еще кто-то.

Нѣкоторыя изъ моихъ ученицъ были большія охотницы до разговоровъ, сѣтованій; дай имъ только волю, и онѣ надолго затянутъ—пойдутъ говорить, забывъ и про урокъ. Этой-же слабости подвержены многія бабы на селѣ, за что ихъ остальные, впрочемъ, осуждаютъ.

— Ужъ эти бабы! набаютъ невѣсть чего! всякой небывальщины! и не слушалъ бы ихъ!—говорятъ о нихъ мужики.

Не такова Настасья Петрянина—молодая, 23-хъ лѣтъ, баба, которая также поступила ко мнѣ учиться на нѣкоторое время, до жатвы.

Никакой посторонній разговоръ за урокомъ, хотя бы онъ касался самыхъ близкихъ предметовъ, не могъ отвлечь ея вниманія. Настасья поступила ко мнѣ позже другихъ. Какъ-то разъ сосѣдка наша Пелагея К—а призвала меня нѣсколько таинственно къ себѣ въ избу.

— Слушай-ка, О. В., къ тебѣ вотъ какое дѣло: баба одна, наша золовка, учиться хочетъ, больно ужъ охотится; примешь ее, что ли? Она сама не смѣетъ тебя просить.

Настасья стояла рядомъ, тревожно поглядывая на меня, въ ожиданіи отвѣта. Я, конечно, съ готовностью согласилась учить ее, но затруднялась назначить время, предполагая, что она будетъ стѣсняться заниматься вмѣстѣ съ дѣтьми.

Но я ошиблась. Желаніе учиться было въ ней такъ сильно, что она готова была учиться при всякой обстановкѣ, гдѣ угодно и съ кѣмъ угодно. Она знала всѣ буквы и даже складывала или, скорѣй, угадывала нѣкоторыя слова; этому научилась она у своего племянника-школьника.

Черезъ нѣсколько дней Настасья научилась свободно читать, къ концу недѣли она уже читала по-славянски и писала звуковую диктовку. На вторую недѣлю мы съ ней прошли письмо заглавныхъ буквъ, отъ письма карандашемъ перешли къ письму чернилами, и пробовали уже писать по одной линейкѣ.

— Скорѣй бы, скорѣй бы заглавныя буквы выучиться,—

волновалась Настасья:—вѣдь мнѣ у васъ надо еще цифры заучить и на счетахъ считать!

Какъ я уже говорила, занятія оканчивались у насъ въ 9 часовъ, но Настасья оставалась на томъ же мѣстѣ съ 6-ти часовъ утра до 2—3-хъ часовъ. Она писала, не поднимая головы и время отъ времени лишь призывая меня показать ей новое. Иногда, утомленная хлопотами въ столовыхъ, или занятая чѣмъ-либо, я съ неохотой шла къ ней, но тогда она меня приневоливала, и очень настойчиво.

Настасьѣ пришлось вынести не мало непріятностей и обидъ изъ-за ученья. Она почему-то возбудила всеобщую зависть, которая стала выражаться на разные лады. „Будетъ вамъ съ ней возиться, О. В.“,—говорила мнѣ Варвара:—„ужъ вы и такъ умаялись; поучилась съ дѣтьми и будетъ съ нея! Вѣдь ее не скоро ублаготворишь!“ — „И на что ей писанье?“— удивлялась вслухъ другая баба; — „научилась читать — ну и ладно! Нѣтъ, ей вишь мало! и писать научиться хочетъ. Такъ, пустое это желаніе, зряшное!“ Нѣкоторыя увѣряли, что Настасья ходитъ учиться лишь ради обѣда. При мнѣ высказывалась лишь незначительная часть того, что говорилось безъ меня. Въ результатѣ, черезъ нѣсколько дней, Настасья пришла ко мнѣ въ слезахъ: „Остальной разочекъ пришла я къ тебѣ“,— сказала она съ горечью: — „не даетъ мнѣ народъ проходу! смѣются надо мной, дразнятъ меня! ты, молъ, баба—не твое это дѣло! къ чему тебѣ ученье?! Не велятъ ходить, да и ладно! Чтó ты мнѣ присовѣтуешь, О. В.?“ —Я, конечно, совѣтовала не бросать начатаго дѣла, не обращать вниманія на пересуды и, чтобъ не быть исключеніемъ, найти еще кого-либо изъ взрослыхъ, охотницъ до ученья. Настасья послушалась меня и привела еще дѣвушку Устинью, желавшую учиться. Но это не помогло. — „Нѣтъ, О. В., нельзя намъ никакъ учиться!“—сказала скоро Устинья.—„Мы идемъ по улицѣ, а намъ въ слѣдъ всякія слова кричатъ. Мы и такъ ужъ задами проходимъ, да и то насъ замѣчаютъ“. Правильныя занятія пришлось кончить. Я задала обѣимъ дѣвушкамъ уроки, и онѣ уговорились придти ко мнѣ въ воскресенье, если удастся пройти незамѣченными въ такую пору, когда никого на улицѣ не будетъ, т.-е. когда старые вернутся отъ обѣдни, и, пообѣдавъ, лягутъ спать, а молодые уйдутъ на рѣчку купаться. Въ тотъ же день вечеромъ къ намъ въ избу вошла незнакомая мнѣ старуха. Помолившись на образъ, она объяснила, что пришла отъ невѣстки Настасьи.—„Она меня просила вамъ карандашикъ

занесть, что захватила съ собой невзначай... Убивается баба! Вотъ какъ убивается! жаль мнѣ ея даже! больно ужъ у нея охота къ ученью велика! А народъ ей поперекъ дороги сталъ. Какъ пришла она нынче отъ васъ—весь день вопитъ. Я ей и то велю учиться,"—продолжала старуха, какъ бы угадывая мои мысли.—„Ея доля такая, что ей надо бы грамоту знать". Старуха разсказала мнѣ, что Настасья страдаетъ болѣзнью, отъ которой, по народному повѣрью, рано умираютъ; что она сама не считаетъ себя жилицей на этомъ свѣтѣ.—„И впрямь", согласилась со мною старуха, когда я посовѣтовала снова Настасьѣ учиться и не обращать вниманія на людей, „и я этакъ дорогой долго обдумала. Пойду, молъ, зайду къ бабамъ, что больше всѣхъ мою Настасью задираютъ, упрошу ихъ помолчать... Прощай, О. В., спасибо тебѣ на добромъ словечкѣ",— и старуха, рѣшительными шагами выйдя изъ избы, направилась, какъ увидѣла я изъ окна, къ „коренной сплетницѣ" села. На другой день утромъ Настасья снова была у меня и ходила безъ пропусковъ до Петрова дня, отвоевавъ себѣ такимъ образомъ свободу учиться. Деревенскіе толки замолкли понемногу, но непріязнь по отношенію къ ней осталась у многихъ бабъ, въ томъ числѣ даже у кроткой, миролюбивой Варвары, нашей хозяйки. Такимъ образомъ, мои лучшія ученицы Ольга и Настасья пробыли у меня какихъ-нибудь три недѣли; за то поступившая ко мнѣ позже всѣхъ Матрена К—ва ходила до самаго моего отъѣзда.

Матрена наружностью выдѣлялась изъ другихъ дѣвушекъ. Длинный оваль и тонкія черты лица, серьезный, задумчивый взглядъ придавали ей интеллигентный видъ. Она довольно сильно прихрамывала, и родители рѣшили поэтому не выдавать ея замужъ. Матрена совсѣмъ не наряжалась, какъ другія дѣвушки, не носила бусъ, цвѣтныхъ узорчатыхъ платковъ, тѣлогрѣекъ. Это естественно должно было усилить въ ней и безъ того свойственное ей стремленіе къ грамотѣ, къ знанію. Матрена поступила ко мнѣ, умѣя читать по славянски (чему она научилась у одной деревенской же грамотѣйки, о которой я буду говорить ниже). У меня она за мѣсяцъ научилась писать красиво и довольно правильно и прошла довольно много изъ ариѳметики (мы закончили сложеніемъ и вычитаніемъ многозначныхъ чиселъ). Къ ариѳметикѣ у Матрены были выдающіяся способности. Не учась никогда счету, она сразу, впродолженіи получаса, написала мнѣ таблицу умноженія и сама додумалась до письма многозначныхъ чиселъ (съ нулями въ серединѣ).

Всегда тихая, незамѣтная, она, прихрамывая, входила въ хату, молилась на образъ и садилась молча у окна. Работала она какъ-то самостоятельно; съ моей стороны требовалось лишь немного вниманія къ ней; нѣсколько поясненій, и она уже понимала меня и, склонившись надъ тетрадью, принималась писать. Я какъ-то даже не замѣчала ея, и обратила на нее вниманіе лишь въ концѣ лѣта, когда меня паразили ея большіе успѣхи и ея привязанность ко мнѣ, выразившаяся при прощаніи. Тогда какъ всѣ, прощаясь, говорили со мной обо всемъ, просили писать, шутили, смѣялись, Матрена стояла поодаль, прислонившись къ косяку и, закрывшись рукавомъ куртки, не плакала, а рыдала; слезы ручьями катились у ней по щекамъ... Въ праздничные дни Матрена заходила за мной, и если у меня было время, уводила меня къ себѣ въ садъ (К—вы не сѣяли хлѣба и жили садомъ). Тамъ мы располагались подъ старой тѣнистой яблоней, и я, по просьбѣ Матрены, читала сама или слушала ея чтеніе; приходили слушать и другія дѣвушки. На Матрену онѣ смотрѣли съ нѣкоторымъ уваженіемъ, какъ бы выдѣляя ее изъ своей среды, считая ее „ученой“. „Ученостью“ Матрена была обязана своей первой учительницѣ Татьянѣ Корилиной, старой дѣвушкѣ, староверкѣ, съ которой я скоро познакомилась Какъ-то вечеромъ, я отдыхала на завалинкѣ, недалеко отъ своего дома. По улицѣ гнали коровъ. Народъ сидѣлъ передъ хатами; бабы калякали между собой. Это были тѣ бабьи разговоры, которыя служатъ въ деревнѣ источникомъ, изъ котораго черпаются свѣдѣнія о текущей жизни; это своего рода клубъ, газета, поставляющая не только матеріалъ, но и направленіе деревенской публикѣ. Въ этомъ клубѣ бабы, напримѣръ, начинали сговариваться не пускать въ деревню фельдшера при появленіи эпидеміи. Факты, распространяемые этими бабами „курмышами“, нерѣдко самаго фантастическаго свойства. Достаточно было какого-нибудь малѣйшаго повода, незначущаго факта, чтобъ на немъ построить все, что угодно.

Проѣзжая, фельдшеръ осмотрѣлъ колодцы. Эта вѣсть передавалась въ бабій „курмышъ“, и оттуда выходила уже окрыленной и съ добавленіями: фельдшеръ подсыпалъ въ колодецъ мышьяку. Причиной бездождья, по выводамъ клуба, являлась одна мѣстная обывательница, которая, „какъ только покажется на небѣ тучка, выйдетъ на крылечко, помашетъ платкомъ и разгонитъ ихъ мигомъ“... Не всѣ коптевскія бабы участвовали въ веденіи и изданіи „газеты“. Напримѣръ,

наша тихая Варвара, никогда почти не принимала участія въ шумныхъ засѣданіяхъ клуба. „Выйдешь къ нимъ иной разъ, говорила она, такъ просто въ головѣ закружитъ отъ ихъ говору. Чего-чего не набаютъ вѣдь! всякой всячины! Я ихъ спрашиваю только: нешто вы это сами видѣли?.. Я посижу, да уйду—ихъ, вѣдь, не заговоришь".

Итакъ, засѣданіе „клуба" было въ разгарѣ, завтрашній N газеты обѣщалъ быть довольно длиннымъ и интереснымъ, судя по энергіи издательницъ; одна изъ нихъ Дырянкина—худая, маленькая бабенка, окруженная цѣлой вереницей дѣтей, чуть ли не съ двумя грудными на рукахъ, кричала почти до хрипоты; отъ нея не отставала Кирилина, наша сосѣдка, многочисленныя дѣти которой (ихъ всѣхъ 11 человѣкъ въ семьѣ), голодныя, нечесаныя, плакали, дергая ее за фартукъ.

— Тетка Пелагея,—говорила ей какъ-то Варвара:—ты бы ихъ почище держала: посмотри, какъ у тебя все грязно; и посуды, кажется, ужъ и не домоешься.

— Да гдѣ мнѣ ихъ всѣхъ перемыть!—съ отчаяніемъ воскликнула Пелагея:—вишь сколько ихъ народилось у меня.

— Мыть ребятишекъ неколи, а калякать-то есть время!—тихо, безъ всякой злобы, но серьезно замѣтила при этомъ Варвара.

Потокъ краснорѣчія Дырянкиной и Кирилиной былъ неистощимъ. Послушавъ ихъ немного, я отошла въ сторону и присѣла на завалинкѣ; подлѣ меня сидѣла старушка, съ которой мы разговорились. Ея наружность обращала вниманіе. Вся фигура ея была маленькая, сгорбленная; лицо все было въ глубокихъ морщинахъ и напоминало печеное яблоко, почернѣвшее отъ солнечнаго зноя, а среди морщинъ смотрѣли большіе, голубые глаза, ничуть не потускнѣвшіе отъ лѣтъ. Эта и была Татьяна Кирилина, учительница Матрены. Чѣмъ больше я говорила съ ней, тѣмъ болѣе чувствовала симпатію къ ней. Во всѣхъ ея словахъ, отзывахъ слышалась искренность и какое-то снисходительное, миролюбивое отношеніе къ людямъ. Она разсказала мнѣ свою жизнь, какъ ее выдавали замужъ, какъ она отказалась отъ этого наотрѣзъ.

— Почему же ты не пошла, бабушка, замужъ?

— Очень ужъ бѣдно у насъ, милушка, нужда насъ сокрушила. Тѣ годы такіе же неурожайные были, какъ этотъ; голодалъ народъ, мучался. Я и чужихъ-то дѣтей не могу безъ жалости голодными видѣть, послѣдній кусокъ имъ сколько

разъ отдавала, а ужъ еслибы у меня свои родныя дѣти голодомъ сидѣли, я бы не знаю, какъ вытерпѣла это. Вотъ оттого я замужъ и не пошла.

— А вѣдь иной разъ и скучно бываетъ одной-то жить, бабушка?

— Скучно?—удивилась Татьяна,—нѣтъ милушка, скуки я вовсе знать не знаю. Ко мнѣ, вѣдь, цѣлый день народъ ходитъ въ мою келью; я другой разъ не то что, рада радехонька одной остаться.

Жизнь Татьяны, какъ я узнала потомъ, несмотря на ея старые годы, была полна содержаніемъ. Она слыла среди старовѣровъ начетчицей; не только старовѣры, но и православные шли къ ней въ келью послушать ея чтенія и толкованія старинныхъ священныхъ книгъ; священное писаніе она знала прекрасно. Дѣти учились у ней грамотѣ. Кромѣ того, она была искусной швеей. Эти занятія ее и кормили. Помощи она никогда не просила; напротивъ, сама помогала многимъ.

— Вчера кончила я бабѣ сарафанъ шить,—просто разсказала она мнѣ; — принесла мнѣ баба 15 коп., хотѣла-было себѣ мучки купить—глядь идетъ Анюркина мать. Бабушка Татьяна, у моей Анюрки рубаха вся износилась, не на что купить: я ей и отдала тѣ 15 коп.

На другой день я посѣтила старушку: она встрѣтила меня на порогѣ своей крошечной избенки, именуемой у крестьянъ „кельей“. Въ кельѣ едва можно было повернуться. Въ переднемъ углу на божницѣ стояли иконы, которыя Татьяна показала мнѣ прежде всего, называя каждую изъ нихъ и упоминая, сколько она за каждую заплатила. По стѣнамъ лавки, на лавкѣ подъ божницей, лежали завернутыя въ холстъ толстыя старопечатныя книги „Жизнь и поученія Іоанна Златоуста“, „Псалтырь“, „Выбранные и переписанные каноны изъ Псалтыри“. Съ какой гордостью и радостью показывала мнѣ Татьяна эти книги! Бережно развертывала она каждую изъ нихъ, сообщая при этомъ, когда была куплена и за сколько. Книги были довольно дороги; Іоаннъ Златоустъ, наприм., стоитъ 6 руб. Стоимость всѣхъ книгъ доходила до 20 руб. Дороже этого не было ничего въ хатѣ у Татьяны. Въ углу висѣлъ тулупъ и стояли близко къ стѣнѣ красна; на лавкѣ у печки лежали подъ холстомъ два „ситнихъ“. „Ситній (хлѣбъ) единственная пища крестьянъ круглый годъ; лѣтомъ ѣда приправляется огурцами, зимой иногда щами; а

то и просто, говорятъ крестьяне, „закусишь“ ситненькаго съ водицей да и ладно“. Я, благодаря Бога, хорошо живу, говорила про себя Татьяна; скитаться еще не приводилъ Господь; хатка у меня есть и ситній есть, и на рубаху себѣ холстовъ въ зиму натку. Есть изъ чего и людямъ подать. Были у меня ученицы—мельника Паскунова дочки у меня три зимы учились—такъ вотъ ихъ мать меня за труды просто задарила, такъ что я не знала, куда ея подарки и дѣвать. И холстами, и деньгами, и мукой дарили! И любили же меня эти дѣти—мнѣ самой даже на диво бывало. Привезутъ ихъ ко мнѣ съ утра на лошади—вотъ мы и учимся по маленьку; понимали онѣ хорошо—ничего. А то еще такъ бывало: поучатся съ часочекъ, да и говорятъ: „бабушка, мы хотимъ въ жмурки поиграть“. Ахти грѣхъ какой, я имъ баю: ну что люди про насъ скажутъ, что вы у меня тутъ въ жмурки забавляетесь? А ты, бабушка, пока мы станемъ играть, постой у окошка: не идетъ ли, молъ, кто изъ мужиковъ? Коли подойдутъ, ты насъ и вскричи, а то намъ ужъ больно охота въ жмурки поиграть!—Чего съ ними станешь дѣлать? Знамо, дѣти: какъ ихъ не пожалѣть. Ну я и караулю, пока они у меня подъ лавками, да на печуркѣ, ровно мышата какіе, возятся, смѣются! просто смотрѣть на нихъ и то сердце радуется. Наигрались, что-ли? Наигрались, бабушка, умаялись ужъ, теперь станемъ опять склады вытверживать. „Такъ-то вотъ и учились мы. Проголодаются—я имъ щецъ сварю, да ситненькаго по кусочку отрѣжу. И то вѣдь, послушай, чудо какое: имъ мои щи слаще домашнихъ казались. Мама, это они дома-то баютъ: мама, у бабушки Татьяны щи вотъ какіе сладкіе, мы у нея объѣлись. А съ чего имъ сладкими-то быть: мнѣ ихъ и подбить-то нечѣмъ. А мать-то имъ дома не то что съ мучкой, да съ маслицемъ, щей наготовитъ, съ бараниной, да молокомъ забѣлитъ. А имъ бабушкины щи слаще кажутся! Вотъ они какіе дѣти-то!“

Бабушка говорила все это, не торопясь, своимъ тихимъ, умиротворяющимъ голосомъ, но волненіе, овладѣвшее ею при воспоминаніи о прошломъ, затрудняло ея дыханіе. Помолчавъ немного, она продолжала: Выросли онѣ; старшія двѣ замужъ вышли, въ городѣ живутъ. Какъ кто сюда ѣдетъ, непремѣнно накажутъ меня провѣдать. А то и посвидались разочекъ. Наказали онѣ мнѣ передать: мы, молъ, по бабушкѣ Татьянѣ больно соскучились, крѣпко хотимъ ее повидать, да никакъ намъ изъ города нельзя отлучиться, ни хозяйства, ни дѣтей не на

кого бросить. Вотъ я и надумала къ нимъ сходить на повидку. Взяла себѣ палочку, да и поплелась; ноги-то вѣдь старыя, знамо не съ охотой идутъ, а все донесли меня съ Божьей помощью, съ отдышками: гдѣ полежимъ на дорогѣ, гдѣ посидимъ въ холодочкѣ. Пришла я въ Сызрань, вхожу въ домъ. Онѣ меня даже не признали; имъ въ голову вотъ что пришло, что я съ того свѣта имъ представилась; ужъ больно чудно было, что я пѣшая до нихъ дошла. Радость большая у насъ въ ту пору была. Накалякались, наглядѣлись другъ на друга, и пошла я домой.—Что жъ онѣ тебѣ на желѣзную дорогу не дали, бабушка? — Давали, милушка, да я не взяла: дойду молъ сама: донесетъ меня Господь, если его милость будетъ.—Когда же это было, бабушка, давно, что-ли?—Гдѣ же давно! въ прошломъ году. — Сколько же тебѣ лѣтъ-то было?—Да сколько?—задумалась бабушка,—мнѣ тогда 75-й годъ пошелъ.

Отъ Коптевки до города, 40 верстъ слишкомъ прошла 75-тилѣтняя старуха единственно ради того, чтобы повидаться съ ученицами!

Мы видѣлись съ Татьяной еще нѣсколько разъ: она заходила ко мнѣ попросить оказать помощь тѣмъ или другимъ бѣднякамъ. Вотъ ужъ эти сироточки больно колотятся, говорила она, держа за руку приведенныхъ, подари ихъ чѣмъ-нибудь: рубашечкой, али пшенцомъ.

У Татьяны былъ богатый матеріалъ жизненнаго опыта, съ которымъ она охотно дѣлилась съ каждымъ. Говорила она очень много, безъ умолку почти, но ея тихая, мѣрная рѣчь нисколько не утомляла слушателя, и не имѣла характера болтовни.

Увидѣвъ у меня какъ-то картины — пляску Иродіады и притчу о богачѣ и Лазарѣ, она разсказала подробно и образно изображаемыя ими событія. О своей вѣрѣ она говорила неохотно; „вѣдь это все одно: такъ-ли, этакъ-ли вѣровать,—отвѣчала она на мои распросы,—по всякой вѣрѣ спастись можно. Всякій по своему пусть дѣлаетъ, какъ ему милѣе. Придетъ воскресный день, я себѣ въ хатѣ сама передъ образами помолюсь, почитаю, раздумаюсь о вѣрѣ; ну, а вѣдь всякаго не заставишь. Другой народъ молодой, хочется до церкви прогуляться, нарядъ свой показать“. Она говорила просто, безъ тѣни ироніи, какъ бы констатируя лишь людскую слабость, которую находила весьма естественной.

Одна изъ моихъ ученицъ, Таня Шадрова, была очень спо-

собна и понятлива, но въ высшей степени разсѣянна и невнимательна. Она часто опаздывала, пропускала уроки и приводила меня въ отчаяніе. На мои замѣчанія она всегда молчала. Какъ-то другія дѣвочки замѣтили мнѣ: „О. В., ты не жури ее, ей трудно во время приходить, вѣдь у ней мать пятый годъ умираетъ, не встаетъ; некому, кромѣ Тани, за домомъ присмотрѣть“.

Черезъ нѣсколько дней я увидѣла ея мать. Двѣ женщины несли по улицѣ, по направленію къ банѣ, что-то длинное, тонкое, завернутое въ тряпки, точно мумію. Это была Танина мать. Все тѣло ея совсѣмъ высохло, скрученныя руки и ноги были страшно худы; исхудалое, со слѣдами замѣчательной красоты, лицо горѣло безжизненнымъ румянцемъ. „Видишь какая она у насъ,—говорили женщины,—тебѣ, поди, и глядѣть-то на нее страшно. Вотъ чего болѣзнь съ человѣкомъ дѣлаетъ. Вся сохнетъ, болѣзная, а живетъ, не даетъ ей Господь смерти. Къ ѣдѣ у ней охота большая, даромъ что лежитъ, не движется. Мы ее попарить маленько хотимъ: очень ужъ ее блохи заѣли, не то и черви, поди, завелись, ѣдятъ ее, бѣдную“. (Все это говорилось просто и спокойно). „Спасибо вамъ, милыя, спасибо, сердечныя!—говорила больная слабымъ, прерывающимся, но довольно звучнымъ еще голосомъ,—заботитесь вы обо мнѣ, не покидаете меня безъ вниманія“. Я стала изрѣдка навѣщать больную. Она лежала лѣтомъ въ сѣняхъ, на лавкѣ, на какой-то тоненькой войлочной подстилкѣ; сѣни служили вмѣстѣ съ тѣмъ складомъ лишнихъ вещей въ хатѣ—зимнихъ тулуповъ, битыхъ горшковъ, ведеръ, корытъ, досокъ. Все это было навалено въ углу безпорядочной кучей; въ сѣняхъ была полутьма, свѣтъ проникалъ только черезъ дверь и дыры соломенной крыши. „Что течетъ эта крыша?“—спросила я какъ-то. — „Течетъ, милая, — отвѣчала Ѳекла,—да на меня не каплетъ, они меня въ сторонкѣ, спасибо имъ, положили; дыры-то посреди крыши, а съ боковъ все цѣло... Охъ, горе мнѣ какое!—вырывался у ней порою вопль,—что не могу я работать на дѣтей, не могу ихъ ничему поучить! Что только съ ними будетъ! Извѣстно, всякій осудитъ, всякій скажетъ, что въ нихъ толку нѣтъ, что онѣ безъ матери растутъ. Вѣришь-ли, лежу я, а у меня всю душу воротитъ, какъ гляну на хозяйство свое: все не прибрано, накидано; хлѣбъ-то онѣ ни замѣситъ, ни поставить какъ слѣдуетъ не умѣетъ“. И Ѳекла стискивала свои дѣтскія высохшія руки.

— Четыре года я лежала недвижимо,—разсказывала Ѳекла;—прошлымъ лѣтомъ отвезъ меня мужъ въ больницу. Вѣришь ли, мнѣ тамъ лучше стало, полежала я тамъ съ мѣсяцъ, снадобья пила, начала руками двигать, на ноги встала. Мнѣ бы еще полежать, да не привелъ Господь совсѣмъ поправиться: выписали меня изъ больницы, воротилась я домой, ноги меня хоть держатъ, да не больно держатъ, а голову такъ и кружитъ; знамо, за работу взялась: гдѣ похожу, гдѣ посижу; а сама радуюсь, просто будто въ рай попала; съ недѣлю такъ продержалась. Только понесла разъ корчагу, помутилось у меня въ глазахъ, грохнулась я объ землю, расшиблась и съ тѣхъ поръ ужъ не встаю. Докторъ пріѣзжалъ, говорилъ, что неизлѣчимо, и теперь и въ больницу не берутъ. Сама, баетъ, виновата! Охъ, бѣда моя!—снова застонала больная...—Вотъ и шабрихи (сосѣдки) ко мнѣ заглядываютъ, кто въ банѣ попаритъ,—продолжала она черезъ нѣсколько времени,—кто квашню замѣситъ; давеча Керова ко мнѣ заходила, посидѣла у меня, я гляжу, у ней слезы даже по щекамъ катятся. Прислала мнѣ рыбки солененькой, видно на яичко у Анисьи вымѣняла: я вѣдь знаю, что у нихъ у самихъ ничего нѣтъ...

О прежней жизни Ѳеклы и причинѣ ея болѣзни ходили въ деревнѣ разные слухи. Говорили, что мужъ ее страшно билъ, однажды послѣ побоевъ въ морозную ночь выгналъ на дворъ въ одной рубашкѣ; передрогшая, избитая, она провела всю ночь подъ плетнемъ на снѣгу, и къ утру слегла; при этомъ прибавляли, что Ѳекла была всегда кроткой, заботливой женщиной, безропотно переносила побои и жестокое обращеніе съ нею мужа, который былъ очень дурнымъ человѣкомъ, былъ извѣстенъ какъ воръ, конокрадъ и только по недостатку уликъ ни разу не попалъ въ острогъ.

Когда я пришла въ послѣдній разъ проститься съ Ѳеклой, она помѣщалась уже въ избѣ на печкѣ.

— Я ее на печь перетащилъ,—сообщилъ мнѣ мужъ,—видишь, какая мнѣ съ ней возня: таскай ее съ мѣста на мѣсто; она даромъ что тощая, вѣсу въ ней много, она мнѣ всю руку оттянула,—жаловался здоровый плечистый мужикъ, съ наглымъ любопытствомъ оглядывая меня съ ногъ до головы.—Я изъ-за нея самъ нагимъ сталъ,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ;—сколько денегъ знахарямъ да докторамъ переплатилъ, и не счесть всего.

Упреки эти повторялъ онъ чуть не ежеминутно. Больная молчала. Подозвавъ маленькую дочку, она шепотомъ сказала

ей: „Жарко мнѣ, милыя вы мои, очень ужъ натопили вы печку-то. Вотъ если бы вы меня, пока простынетъ, на лавку бы стащили“.

— Ничего мама, полежи ужъ тутъ: чай, печка скоро остынетъ, —отвѣчала дѣвочка.

Я предложила Ѳени перенести ее, но она испуганно замотала головой:

— Нѣтъ, милая, нѣтъ, не надо. Мужъ разсердится, заругаетъ. Ничего, я и тутъ полежу.

Глава II.

Наша изба помѣщалась въ срединѣ села, протянувшагося на $2^1/_2$ версты вдоль по рѣчкѣ; напротивъ былъ кабакъ, закрытый по приговору общества на три года. Съ закрытіемъ его довольно развитое прежде пьянство почти прекратилось. Во все время пребыванія нашего въ Коптевкѣ мы не видѣли ни одного пьянаго. Хотя возможность достать водку была: стоило ради этого лишь съѣздить за двѣ версты въ село Толпышево, но закрытіе кабака было дѣломъ общимъ, единогласно рѣшеннымъ, и потому приговоръ не пить не нарушался никѣмъ. Большое вліяніе оказывалъ также рядъ неурожаевъ и порожденная ими бѣдность, разореніе. За послѣдніе годы, по выраженію крестьянъ, „сравнялись богатые съ бѣдными“. Стадо уменьшилось вдвое; имѣвшіе по 5—6 лошадей, остались при одной или двухъ; едва у десятка крестьянъ къ новому урожаю оставался старый хлѣбъ. Каково же было положеніе тѣхъ, кто и раньше, въ урожайные годы, не имѣлъ ничего за душой. А такихъ семействъ было много. Изъ 450 дворовъ въ Коптевкѣ лишь 150 имѣютъ лошадей и пашутъ, 150 нанимаются въ работники къ нимъ, а остальные существуютъ неизвѣстно чѣмъ, на какія-то фантастическія средства.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня первый разъ посѣтителями столовыхъ. Блѣдные, худые, съ покраснѣвшими глазами, въ истасканныхъ сарафанахъ и рубахахъ, входили они невѣрной поступью, крестились дрожащими руками и садились за столы, понуривъ головы. По виду можно было подумать, что это все были старики и старухи, но, какъ я потомъ узнала, здѣсь были 40 и 35-лѣтніе. При

разговорахъ бабы съ первыхъ же словъ начинали плакать. Столовая въ Толпышевѣ была открыта мѣстной обывательницей, которая, уѣхавъ, поручила дѣло старостѣ. Староста видимо плутовалъ. Ни одного дня не было положеннаго числа обѣдающихъ, между тѣмъ провизія расходовалась въ томъ же количествѣ. Обѣдать ходили черезъ день: одинъ день одни, другой день другіе. Обѣдъ въ столовыхъ состоялъ изъ щей съ капустой (безъ мяса, такъ какъ былъ постъ), фунта хлѣба и пшенной каши, которой также приходилось по фунту на человѣка. Предлагалось всегда всѣмъ ѣсть дòсыта, но я думаю, что взрослые не наѣдались дòсыта, хотя на мой вопросъ: сыты ли? отвѣчали всегда съ поклонами: „сыты, матушка, досыта наѣлись!“ Въ скоромные дни давали щи съ бараниной, или только подбѣленные молокомъ, что приводило обѣдавшихъ въ восторгъ. „Ужъ и радѣешь ты объ насъ,—говорила баба, утирая слезы:—внукъ мой приходитъ вчера и говоритъ: бабушка! я вчера какъ ѣлъ: „она“ насъ „бѣленой“ кашей кормила! Вѣдь нынче для дѣтей молоко дивомъ стало; коровушекъ-то распродали!“ Я выдавала бабамъ, у которыхъ были маленькія дѣти, а коровы были проданы, молоко; но брали немногія; остальныя „не смѣли просить“, какъ говорили мнѣ потомъ. Помимо закупки провизіи расходовъ по устройству столовыхъ не требовалось никакихъ: столовыя устраивались во всякой избѣ, причемъ хозяйка охотно брала на себя стряпню за участіе въ обѣдѣ. Стоимость обѣда на каждаго человѣка равнялась, приблизительно, 3 коп. *).

Когда въ деревнѣ усилилась холера, устроена была чайная. Для избѣжанія сборищъ одной бабѣ поручено было наливать всѣмъ, кто придетъ къ ней съ кружкой, чай и выдавать сахаръ. Посѣтителей было немного. Не только здоровые, но и больные почему-то „совѣстились“ ходить туда (въ день бывало не болѣе 10 человѣкъ). Когда, выдавая лекарства больнымъ лихорадкой или поносомъ, я совѣтовала имъ ходить въ чайную, они отказывались, говоря: „Нѣтъ ужъ,

*) Отчетъ по устройетву столовыхъ: Получено денегъ: отъ учительницъ изъ Тифлиса 150 руб., отъ нихъ же 14 р., отъ нихъ же 36 р., отъ г-жи В. изъ Москвы 10 руб., отъ Б. 1 руб., отъ г-жи А. изъ Харькова 100 руб. Итого 311 руб. Израсходовано: на веденіе Коптевской столовой въ іюнѣ 39 р., куплено муки 45 пуд. по 1 р. 30 к. — 58 р. 50 к., пшена 25 п. по 1 р. 55 к.— 38 р. 75 к., баранина, соль, масло 5 р., ситецъ 44 ар. по 10 к.—44 р., лекарство, чай 7 р., книги 18 р. 75 к., денежныя пособія 50 р. Итого 311 руб. Кромѣ того, было пожертвовано: отъ купца У—ва города С. 200 ар. ситцу и отъ г-жи В. 100 ар. ситцу и 2 ф. мятнаго чаю.

чего тамъ ходить! Только народъ срамить станетъ. Скажутъ: притворился больнымъ, чтобъ почайничать". Тогда я стала выдавать на руки по пакетику чаю на нѣсколько заварокъ. Благодарностямъ не было конца. Чай производилъ рѣшительно цѣлебное дѣйствіе на людей, непривыкшихъ къ нему.

Когда я объявила, что число обѣдающихъ будетъ увеличено втрое, и обѣдать будутъ всѣ каждый день, мнѣ не повѣрили; число обѣдающихъ прибавлялось сначала туго. Отъ обѣдовъ же каждый день, къ моему изумленію, крестьяне рѣшительно отказались. „Нѣтъ, ужъ этого не нужно, мы и такъ много довольны,—говорили они,—каждый свою артель знаетъ и въ какой день идти на обѣдъ. День пообѣдаемъ, а на другой день и поговѣть можно, что за бѣда!" За обѣдомъ велись вполголоса разговоры. Бабы жаловались не только на голодъ, но и на вынужденное бездѣлье; имъ нечего было прясть, такъ какъ ленъ также не уродился. „Безъ работы намъ просто жить невозможно,—говорили онѣ:—тоска всю тебя заберетъ; за работой все какъ-то легче". Всѣ строго слѣдили за тѣмъ, чтобы въ столовыя не ходило „зряшнаго" народу, и сами помогали въ этомъ отношеніи мнѣ. „Ты не смотри, что онъ слѣпой,—говорили мнѣ бабы, указывая на появившагося какъ-то въ одной столовой слѣпого парня,—онъ можетъ работать, онъ на мельницѣ камни таскаетъ, онъ не то что—гармонику на-дняхъ купилъ". Тѣмъ не менѣе было нѣсколько бабъ, пускавшихся на хритрости, чтобъ провести нѣсколько человѣкъ своихъ дѣтей въ столовыя; приходили обѣдать и сравнительно зажиточные, имѣвшіе свой хлѣбъ, но на ряду съ этимъ были факты въ родѣ слѣдующаго, напримѣръ. Въ столовую вошелъ, какъ-то медленно, съ трудомъ ступая, древній старикъ съ длинной сѣдой бородой. Помолившись на образа, онъ въ безсиліи опустился на лавку и, наклонивши голову, заплакалъ. Мнѣ объяснили, что старикъ жилъ всегда богато и обѣднѣлъ за послѣдній годъ. Онъ былъ раньше записанъ въ столовую, но долго пе шелъ, стыдясь и предпочитая голодъ подаянью. „Тяжко мнѣ, сударыня, тяжко; глаза бы мои не видѣли этого дня,—сказалъ онъ мнѣ, когда я подошла къ нему.— Пришлось мнѣ на старости лѣтъ подаяніемъ питаться: всю жизнь жилъ хорошо, другихъ кормилъ, а тутъ совсѣмъ въ разореніе пришли, старуха моя, дай ей, Господи, царствіе небесное, умерла прошлымъ лѣтомъ, не дожила до этакого сраму, а я дожилъ, видно, по грѣхамъ по своимъ. Иду я по улицѣ, и на людей отъ стыда не глядѣлъ

бы"... Онъ не могъ договорить и снова заплакалъ. Помолчавъ, старикъ всталъ и, постоявъ немного, вдругъ повалился мнѣ въ ноги: „Матушка родимая, спасибо тебѣ, что кормишь бѣдныхъ людей!" Я совершенно растерялась. Тяжелое впечатлѣніе произвела эта сцена и на меня, и на присутствовавшихъ...

Нѣкоторое время я не рѣшалась предложить прочесть что-либо вслухъ посѣтителямъ столовой, боясь, что всѣ слишкомъ поглощены своимъ горемъ и не въ состояніи внимательно слушать, но первая же проба дала обратный результатъ. Книга оживила всѣхъ, всѣ видимо рады были случаю заговорить о чемъ-либо иномъ. Съ тѣхъ поръ чтеніе вошло въ обычай. Я никогда не начинала прежде, чѣмъ меня не просили, и всякій разъ напоминала о томъ, что, кто не хочетъ слушать, можетъ уходить. Нѣсколько человѣкъ всегда уходило; другіе оставались на нѣкоторое время и, постоявъ у притолки, также удалялись; остающіеся же слушали съ такой охотой, что иногда мнѣ стоило большого труда уйти, такъ какъ меня долго уговаривали прочесть „еще хоть немного". Слушатели во время чтенія постоянно вставляли свои замѣчанія, нѣкоторые тутъ же разсказывая случаи, пережитые ими, аналогичные описанному въ книгѣ. Поднимавшіеся разговоры иногда бывали очень оживленны. Главный интересъ сосредоточивался на вопросахъ отвлеченнаго или нравственнаго свойства. Сочувствіе слушателей было всегда на сторонѣ тѣхъ, кто поступалъ согласно своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ. Разъ, когда я читала о страданіяхъ апостоловъ, слушатели наперерывъ повторяли: вотъ терпѣли-то сколько! не то что мы, грѣшные, а мы-то и части того потерпѣть не хотимъ. Сознаніе своихъ грѣховъ составляло характерную черту крестьянъ. Это все объ насъ пишутъ не даромъ, говорили слушательницы, указываютъ намъ, какъ мы живемъ, грѣшимъ; вотъ ты намъ сегодня картинку показывала „Дѣвочки умнѣе стариковъ". Вѣдь это объ насъ; мы тоже, какъ эти сами бабы дѣлали: чѣмъ научить бы дѣтей уму-разуму, велѣть имъ: не ругайтесь молъ, не обижайте другъ друга, а мы ихъ худому научаемъ: поди, побей свово обидчика, сдачи ему дай. Это въ насъ злоба говоритъ.

Иногда впечатлѣніе отъ прочитаннаго было очень сильно: я видѣла разстроенныя лица, слезы, всѣ говорили, нѣкоторые, взволнованные слышаннымъ, разсказывали самые интим-

ные случаи изъ ихъ жизни. Подозрѣвать со стороны крестьянъ какое-либо притворство, желаніе угодить мнѣ не было возможности. Какой оживленный видъ представляла моя аудиторія послѣ чтенія „Параски“ Шабельской, „Чуткое сердце“ Успенскаго. Говорили много безъ конца, казалось, у каждаго былъ неисчерпаемый источникъ наблюденій, которыми каждый стремился подѣлиться. „Хорошее дѣло книжку послушать“, сказала мнѣ какъ-то одна изъ моихъ слушательницъ. „О правдѣ раздумаешься—всю жизнь вспоминаешь, такъ будто лучше понимать станешь, что къ чему и какъ жить нужно. И чудное же дѣло, отчего это скоро изъ души выходитъ; пройдетъ дня два, три, и опять забудется. Почаще бы, что-ли, читать?“ Такъ какъ я всегда торопилась домой, чтобы поспѣть къ обѣду въ другой столовой, то мнѣ ни разу ни удалось прочесть длинное, цѣльное произведеніе, приходилось ограничиваться отрывками. Изъ прочитанныхъ беллетристическихъ произведеній наибольшее, повидимому, впечатлѣніе производилъ „Судъ Божій надъ епископомъ Гаттономъ“, „Грѣшница“ Толстого, „Богъ правду видитъ“ Толстого, „Пріемышъ“ Короленко, „Сигналъ“ Коронина, „Буренчиха“ Цуриковой. Но „Чуткое сердце“ Успенскаго, „Іуда“ Надсона подѣйствовали сильнѣе всего. Впечатлѣніе было велико также при чтеніяхъ главъ Евангелія, и описанія суда царя Соломона (о двухъ женщинахъ). Выслушивалось молча, говорилось мало, больше вздыхали, но вниманіе было полное, благодарили горячо. „Господи, какъ это тебя Господь надразумилъ сюда пріѣхать!“ говорили бабы; „и кормишь ты насъ, и читаешь намъ...“ Нашъ хозяинъ Никифоръ всегда съ полнымъ вниманіемъ выслушивалъ мое чтеніе, упрашивая меня читать по „той маленькой книгѣ“ (евангелію). Къ концу лѣта онъ вполнѣ изучилъ главнѣйшіе факты изъ жизни Іисуса Христа, такъ что могъ ихъ разсказывать. „Ты мнѣ подари пожалуйста, на память, Евангеліе,—просилъ онъ меня:—я стану всѣхъ своихъ гостей грамотныхъ заставлять читать эту книгу“. Жена его Варвара также кой-чему научилась.

Накануне отъѣзда, проходя черезъ сѣни, я услышала слѣдующій разговоръ въ половинѣ хозяевъ.

— Ты зачѣмъ пришла?—спрашивала Варвара,—али къ О. В.?

— Къ ней,—отвѣчалъ незнакомый мнѣ женскій голосъ,—зять у меня умираетъ, послалъ меня пойла какого-нибудь для него выпросить; она, слышь, дастъ.

— Дастъ, дастъ,—подтвердила Варвара,—многихъ излѣчиваетъ она. А я ужъ думала, не ты ли сама хвораешь.

— Нѣтъ, меня еще Господь милуетъ; да я бы про себя ни за что не пошла, ты, вѣдь, знаешь, Варвара: по нашему это грѣхъ,—неожиданно измѣнившимся, какимъ-то строгимъ, тенденціознымъ тономъ произнесъ незнакомый мнѣ ужъ голосъ.—Господь на насъ болѣзнь въ наказаніе за грѣхи наши посылаетъ и мы должны терпѣть, а не обороняться, лечиться,—продолжалъ тотъ же голосъ и въ немъ зазвучала непреклонная строгая сектантская нотка.

— Ты это неправду баешь, тетка,—возражала ей тихо и спокойно Варвара:—я тебѣ вотъ что скажу на твои слова. Набаять всего можно: и то грѣхъ, и другое. А вѣдь, нужно примѣръ съ Господа брать, какъ Господь учитъ. Онъ Самъ больныхъ излечивалъ: и хромыхъ, и слѣпыхъ, и всякихъ. И не то, что словами излечивалъ, но и лекарствомъ, когда ему одного слѣпого привели, онъ вотъ чего сдѣлалъ: плюнулъ на землю и этой грязью помазалъ ему глаза, и глаза у слѣпого растворились, и слѣпой сталъ видѣть.

Слушательница промолчала, видимо побѣжденная этими доводами. Другая присутствовавшая, старуха Ѳедосья, бывшая крѣпостная, остановилась посреди комнаты съ изумленіемъ. Что это съ Варварой сдѣлалось? вѣдь она и то поняла отъ барышни. А я ужъ такъ думала: гдѣ намъ, глупымъ, понять, что-нибудь,—проговорила она.

— А ты слушай и поймешь; чего не понять?—скромно произнесла Варвара,—чай, уши у тебя есть.

Мнѣ вспомнились ожесточенные споры, которые вели мы съ однимъ знакомымъ. Онъ утверждалъ, что, лишь пройдя черезъ школу, крестьяне могутъ сдѣлаться способными усваивать болѣе здравыя понятія. Мнѣ же казалось, что и безграмотное поколѣніе могло бы достигнуть многаго. Вѣдь, не только родители воспитываютъ дѣтей, но и послѣднія, въ свою очередь, до извѣстной степени перевоспитываютъ стариковъ. Если это замѣчается въ интеллигентномъ обществѣ, то тоже должно имѣть мѣсто и въ деревнѣ, гдѣ грамотный мальчикъ ужъ въ нѣкоторомъ отношеніи является свѣтомъ въ безграмотной семьѣ. Дикія понятія, суевѣрные взгляды держатся только потому, что не встрѣчаютъ отпора. Особенно это видно въ такихъ селахъ, гдѣ нѣтъ школъ, или гдѣ обученіе ведется неудовлетворительно. Необходимо, чтобъ школа была умственнымъ центромъ; тамъ, гдѣ она служитъ лишь раз-

садникомъ механической грамотности, она мало имѣетъ значенія въ жизни деревни. Преданія стариковъ, бабьи росказни исчерпываютъ весь источникъ понятій обывателей. Наше пребываніе въ Коптевкѣ, не смотря на его кратковременность, не прошло безслѣдно. Постоянные споры, которые вели мы съ хозяевами и съ каждымъ, кто заходилъ къ намъ относительно нелѣпыхъ толковъ, что, будто бы, доктора морятъ людей, также не проходили безслѣдно. Ѳекла, служившая у насъ все лѣто стряпкой, въ началѣ лѣта высказала также убѣжденіе, что доктора морятъ людей, но черезъ два мѣсяца она настолько измѣнила свой взглядъ, что перекрестилась, узнавъ, что въ деревню пріѣхалъ докторъ навѣстить холерныхъ больныхъ, и горячо спорила вмѣстѣ съ Варварой съ тѣми, кто отвергалъ пользу врачебной помощи.

Въ сельскомъ хозяйствѣ рутинность понятій и дѣйствій крестьянъ такія же, какъ и въ другихъ областяхъ. Все ведется по старому изъ году въ годъ, не смотря на усиливающійся съ каждымъ годомъ недородъ хлѣбовъ. Какъ въ прежніе годы, когда земля, еще не истощенная посѣвами одних и тѣхъ же хлѣбовъ, давала богатый урожай, не смотря на плохую первобытную обработку земли, въ Коптевкѣ не было обыкновенія вывозить навозъ въ поле, такъ и теперь,—навозъ свозится зимой на ледъ, чтобъ рѣчка весной унесла его куда-нибудь подальше. Отъ крестьянъ приходится выслушивать, обыкновенно, такіе отвѣты:

— Знамо, плугомъ бы лучше пахать, какъ сохой; отъ навоза, знамо, земля бы пожирнѣла; чего ей не удобриться? знамо, удобрилась бы; только нѣтъ у насъ этого заведенія; никогда мы еще не навозили полей; да и поля у насъ далеко; у нѣкоторыхъ пашня за 10 верстъ отъ деревни...

Иногда бывали, однако, и другіе результаты разговоровъ.

Какъ-то въ Толпышевѣ я читала выдержки изъ брошюры К. „объ удобреніи почвъ“.

Прослушали съ интересомъ.

— Знамо, удобрять бы хорошо!—нѣсколько задумчиво, но уже не такъ невозмутимо, какъ обыкновенно, произнесъ одинъ изъ слушателей.—Только вотъ что скажу тебѣ, О. В. Чего намъ удобрять землю? Она у насъ и безъ всякаго удобренія довольно родитъ хлѣбушка, если Богъ дождь-то во время пошлетъ; а не пошлетъ Богъ дождя, такъ и все твое удобреніе хлѣба не создастъ“.

Доводъ показался многимъ неопровержимымъ.

— Пусть этотъ годъ,—возразила я,—не смотря на удобреніе, хлѣбъ не уродится, но вѣдь удобреніе остается въ землѣ, сдѣлаетъ ее жирной на будущій годъ, а когда будутъ дожди, то унавоженная земля дастъ столько хлѣба, что останется запасъ и на неурожайный годъ.

— Это ты вѣрно разсудила,—снисходительно похвалилъ меня одинъ старикъ.—Да намъ не рука хлѣбъ копить. Не къ чему вовсе,—вдругъ сурово отчеканилъ онъ.

— Какъ не къ чему?

— Да такъ не къ чему. Ты думаешь, у насъ лишній хлѣбъ про запасъ схоронится? Какъ же! Весь онъ уйдетъ за недоимку, а мы при томъ же остаемся; только лошадей, пожалуй, заморимъ, навозъ возивши, а недоимка-то больно велика: ее, пожалуй, плати и въ десять лѣтъ не выплатишь.

Незадолго до отъѣзда, меня позвали въ одну семью крестить; мальчикъ родился въ полѣ; мать его жала до послѣдней минуты. Новорожденнаго обмыли колодезной водой и въ тотъ же день сунули ему въ ротъ соску. Крестили рано утромъ, между заутреней и обѣдней. Съ жалостью глядѣла я на маленькое существо, которому уже пришлось вынести столько страданій и отъ холодной воды, и отъ тугихъ свивальниковъ. Мнѣ казалось, что ребенку не придется долго жить (предчувствіе мое, вѣроятно, сбылось: передъ нашимъ отъѣздомъ онъ былъ уже совсѣмъ близокъ къ смерти); но бабушка крестника, бывшая со мной въ церкви и мой кумъ, молодой 22-л. парень не раздѣляли моей жалости, они были отлично настроены и нѣсколько разъ поздравляли меня съ тѣмъ, что я „кстила“ (кстить употребляется вмѣсто крестить). Изъ церкви мы отправились къ родителямъ крестника на обѣдъ. Кумъ мой былъ въ какомъ-то особенномъ одушевленіи, говорилъ безъ умолку, и мнѣ первый разъ показалось симпатичнымъ, почему-то ненравившееся раньше, его румяное, дѣвичье лицо. Послѣ обѣда мы отправились съ моимъ отцомъ въ сосѣднее село, находившееся отъ насъ въ 7 верстахъ. Съ нами ѣхала еще одна знакомая. Кому-нибудь изъ насъ нужно было сѣсть на передокъ рядомъ съ кучеромъ.

— Садись ужъ ты, кума! — порѣшилъ нашъ споръ Иванъ.—Мы вѣдь съ тобой родные.

Иванъ, чтобъ доставить мнѣ удовольствіе, всю дорогу погонялъ лошадей. Мы ѣхали проселочной дорогой, среди желтѣвшихъ хлѣбовъ.

*

— Эхъ какіе хлѣба-то низкіе, бѣда!—съ сокрушеніемъ проговорилъ Иванъ показывая кнутомъ на низкорослую пшеницу.—Ихъ вѣдь только теребить остается. Скучно намъ этакую-то пшеницу теребить; вѣришь-ли, кумынька, руки не движутся. Какъ встанешь да оглянешь этакія-то поля, такъ просто въ сердцѣ у тебя заноетъ—заноетъ, будто тоска заговоритъ... Подумаешь: куда мои всѣ труды пошли? пошто я пахалъ и сѣялъ, когда теперь едва сѣмена выберу съ этого поля?—Иванъ задумался.—То ли дѣло, коли эта самая рожь, али пшеница,—продолжалъ онъ черезъ нѣсколько времени,—нальется да выколосится... Если ее еще дождичкомъ смочитъ маленько передъ тѣмъ, какъ наливаться ей, тогда она поздно поспѣваетъ, нѣжится на корню,—просто смотрѣть на нее такое веселье беретъ, что бѣда, и руки твои чешутся къ работѣ. Жнешь и не чуешь устали... И солнце будто не палитъ тебя вовсе, и все тебѣ спорится! Не работа это, а потѣха!..

— Вотъ вѣдь чудо какое!—снова заговорилъ онъ:—гляди, пожалуйста, кумынька; тутъ вотъ наши поля протянулись, а сейчасъ черезъ дорогу Толпышевскія; кажись, одинъ имъ удѣлъ, земля одинакова и дождикъ поровну мочитъ, что нашу землю, что ихъ, и сохи у насъ ровной силы,—а глядь рожь какая! У насъ пшеница вовсе благая (плохая), а у нихъ вонъ какая славная уродилась! Съ чего бы это такъ?—Задумавшись, Иванъ прибавилъ черезъ минуту вполголоса:—испытываетъ насъ Господь, что ли, этакъ вѣдь старики баютъ?..

Мы въѣхали въ лѣсъ подсолнуховъ.

— Это вишь новая затѣя,—обратилъ на нихъ мое вниманіе Иванъ.—Видишь, какъ гоже они поднялись. А вѣдь прежде ихъ вовсе не сажали, все мучались съ пшеницей, да съ рожью, да видно ужъ земля-то устала ихъ родить, вотъ и сталъ народъ умудряться: посадили подсолнухи. Они очень прытко на этихъ земляхъ растутъ. Спервоначала мы не знали вовсе уходу за ними, ну а послѣ помаленьку привыкли; тутъ вѣдь вся работа на бабахъ лежитъ. Видишь ли, какъ ихъ садятъ: съ перваго раза бороздки пропахиваютъ, по этимъ бороздкамъ идутъ бабы одна за другой: одна идетъ ямки дѣлаетъ, другая въ эти ямки сѣмена кидаетъ, а третья закапываетъ ямки-то. Послѣ приходитъ время ихъ полоть—опять бабья работа, и молотятъ бабы же. Сѣмена подсолнуховъ мы на маслобойни свозимъ... Ничего, подсолнухи̃ насъ, спасибо, выручаютъ, а то бы намъ и вовсе пропадать.—Видишь ты чудо какое,—продолжалъ, помолчавъ Иванъ,—какъ народъ до всего

доходитъ: вотъ теперь умудрились подсолнухи сажать, дай срокъ—зачнемъ и навозъ въ поле возить, и удабривать землю по всяческому. Дойдемъ и до этого! Мы бы давно перемѣны у себя произвели въ хлѣбопашествѣ, да вѣдь боязно: какъ бы не изгадить дѣла? вѣдь доподлинно-то мы ничего не знаемъ. Вотъ хоть у меня теперь, признаюсь я тебѣ, кумынька, такая теперь думка въ головѣ: нельзя ли какъ-нибудь кукурузу къ нашимъ мѣстамъ приспособитъ? Показалась она мнѣ, и думается, что ее бы можно у насъ присѣвать, а боязно!

Я начала говорить о томъ, какую пользу могутъ принести въ подобныхъ случаяхъ книги по сельскому хозяйству, въ которыхъ опытные хозяева дѣлятся съ читателями результатами своихъ опытовъ.

Иванъ выслушалъ внимательно.

— Ну до этого намъ далеко еще!—задумчиво произнесъ онъ,—да дойдетъ и до этого, дай срокъ, дойдемъ,—прибавилъ онъ увѣренно и радостно и погналъ замедлившихся-было лошадей.—Жаль, что ты у насъ не зимуешь, а то бы мы у тебя учились. Вѣдь зимой у насъ времени много свободнаго: бабы прядутъ, а мужикамъ такъ просто и дѣлать нечего, на печи лежатъ, да въ карты играютъ. Очень у насъ эти карты въ заводѣ. Кто въ карты, а кто въ орлянку цѣлый день дуется, даже грамотные и тѣ себѣ дѣла не находятъ, потому книгъ имъ добиться не у кого. Кабы ты у насъ зимку перезимовала, я бы и то у тебя научился бы, да еще я ли одинъ, „нѣсколько“ (по мѣстному—много) „народовъ“ (вмѣсто людей) училось бы у тебя, не то что... Вотъ оно дѣло-то какое! Ты намъ на зиму вотъ какія книги покинь (оставь): какъ и кто выдумалъ чугунку? больно мнѣ ее хочется послухать. Экое чудо—чугунка? Какъ выдумалъ?—съ удивленіемъ и интересомъ повторилъ нѣсколько разъ Иванъ.

Глава III.

Съ своими хозяевами, Демидовыми, за 2 мѣсяца жизни съ ними подъ одной крышей, я познакомилась очень близко.

Никифоръ былъ богатымъ мужикомъ. Онъ сколотилъ себѣ деньгу, занимаясь, кромѣ хлѣбопашества, торговлей лошадьми, повидимому, довольно выгодной, при извѣстной смѣт-

ливости и изворотливости. Въ этихъ свойствахъ у Никифора недостатка не было, но они не мѣшали ему оставаться по отношенію къ односельчанамъ вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Природнаго плутовства въ немъ не было.

Съ виду Никифоръ былъ рослый, широкоплечій, здоровый мужикъ съ окладистой чуть сѣдоватой бородой и шапкой волосъ, которые, по мѣстному обычаю, спускались на уши и лобъ чуть не до самыхъ глазъ. И говорилъ, и двигался Никифоръ въ высшей степени медленно, не торопясь. Онъ считалъ себя старикомъ, хотя ему недавно стукнуло только 60 лѣтъ. Одѣвался онъ въ домотканую рубаху, работы его жены, тогда какъ большинство Коптевскихъ крестьянъ давно уже замѣнили эту прочную ткань покупными ситцами. Никифоръ не любилъ болтать попусту, выраженія его были всегда обдуманы. Онъ былъ религіозенъ и хотя въ церковь ходилъ рѣдко, но каждое утро и вечеръ долго, усердно и горячо молился передъ иконами, кладя земные поклоны. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ.

— Когда пришла пора дочерей замужъ отдавать, — говорилъ какъ-то онъ намъ,—къ намъ свататься самые хорошіе народы пришли.

Обѣ дочери Демидовыхъ давно уже были замужемъ (одна умерла); красавицы внучки также были уже невѣсты. Съ женой Никифоръ жилъ дружно, какъ говорится, душа въ душу: ни разу, во все лѣто, я не слышала ни одного браннаго слова. Прежде Никифоръ пилъ и въ пьяномъ видѣ разъ прибилъ Варвару, Объ этомъ она разсказала мнѣ при немъ же. Никифору, видимо, совѣстно было. Уже болѣе года, съ тѣхъ поръ, какъ въ Коптевкѣ закрытъ, по мірскому приговору, кабакъ, Никифоръ далъ зарокъ не пить и ни разу не преступилъ зарока. Въ общемъ Никифоръ представлялъ цѣльную натуру, съ множествомъ, въ высшей степени, симпатичныхъ нравственныхъ чертъ. Только при болѣе близкомъ знакомствѣ выступали, зависящія отъ условій жизни, нѣкоторыя и отрицательныя его качества. Несмотря на основательность большинства обычныхъ его сужденій, его умственный кругозоръ былъ страшно узокъ. Очень многаго онъ совершенно не могъ понять. Онъ былъ логиченъ только въ сферѣ самыхъ обыденныхъ понятій. Меня возмущала также способность Никифора къ совершенному бездѣйствію, къ чисто растительному существованію. Проработавъ до 60-ти лѣтъ и скопивъ денегъ, Никифоръ считалъ уже себя въ правѣ доживать вѣкъ, совершенно не работая. Цѣ-

лый день онъ буквально ничего не дѣлалъ. Раза два въ мѣсяцъ онъ бывалъ на бахчѣ, и раза два въ сосѣднемъ селѣ, коечто починилъ въ сараѣ, съѣздилъ на ярмарку, нѣсколько разъ подмелъ дворъ и вывезъ, по требованію урядника, со двора навозъ, когда появились слухи о холерѣ. Это и всѣ его дѣйствія за то время, которое мы прожили съ ними, если не считать десятка поставленныхъ самоваровъ, взвѣшанной муки и наловленной, намъ нѣсколько разъ, рыбы. Остальное время онъ ничего не дѣлалъ. Просто такъ сидѣлъ на лавкѣ въ избѣ, если день былъ холодный, или на дворѣ въ жаркое время. Приходилось съ кѣмъ побаять, онъ разговаривалъ, а нѣтъ,—и такъ просиживалъ день-деньской. И я ни разу, какъ пристально ни наблюдала за нимъ, не замѣтила на его лицѣ выраженія скуки, или отпечатка какихъ-либо мыслей, ничего ровно.

Жена Никифора, Варвара, была въ высшей степени симпатична своей беззавѣтной крокостью, миролюбіемъ, уживчивостью. Ни разу она не поссорилась ни съ кѣмъ изъ домашнихъ, или изъ сосѣдокъ. Въ противоположность Никифору, она была постоянно занята. Цѣлый день она что-нибудь дѣлала: съ утра печь топила, сажала хлѣбъ, потомъ мыла горшки, убирала въ мазанкѣ (кладовой), ходила за водой, а покончивъ съ хозяйствомъ, садилась прясть или починять старую одежду. Въ жаркіе іюльскіе дни послѣ полудня, когда, бывало, всѣ, подъ вліяніемъ зноя, расходились по угламъ заснуть часокъ (а Никифоръ съ полнымъ сознаніемъ достоинства шелъ „отдыхать" на солому и, растянувшись во весь ростъ, засыпалъ богатырскимъ сномъ), Варвара долго боролась со сномъ и работала что-нибудь, усѣвшись на крылечкѣ, но черезъ нѣсколько времени работа выпадала изъ рукъ, и она также засыпала.

— Ахъ ты грѣхъ какой! — говорила она просыпаясь, — вотъ вѣдь и заснула швея надъ иголкой!

Когда у насъ на дворѣ открыта была столовая, Никифоръ и Варвара были записаны въ число столующихся, такъ какъ они давали помѣщеніе, и посуду, и ихъ печь занималась нашими хлѣбами, такъ что имъ стряпать себѣ негдѣ было и, наконецъ, за то, что они принимали участіе въ хлопотахъ по устройству и веденію столовой. Но какъ различно было участіе обоихъ. Варвара затѣвала ежедневно квашню, таскала хлѣбы изъ печи, рѣзала, разносила куски и блюда съ кашей,—однимъ словомъ, вполнѣ заработывала свой обѣдъ. Что же касается Никифора, то всѣ его труды ограничивались тѣмъ, что онъ устроилъ вначалѣ доски, служившія

намъ столами, да во время обѣда становился посреди двора и, поглаживая бороду, оглядывалъ приходящихъ и дѣлалъ свои замѣчанія на счетъ того, кто изъ нихъ дѣйствительно заслуживалъ обѣда, и кто относился къ разряду „зряшныхъ“. Сперва я заподозрила, что онъ, пользуясь своимъ положеніемъ, плутуетъ, совѣтуетъ мнѣ записывать тѣхъ, кого хочетъ одолжить, своихъ знакомыхъ, сватовъ, кумовьевъ и пр., но подозрѣнія оказались неосновательными. Его совѣты оказывались правильными. Мои попытки воспользоваться помощью Никифора для поѣздокъ за пшеномъ и мукой не удались. Для Никифора, съ его пристрастіемъ къ неподвижности, поѣздки являлись слишкомъ большой жертвой, которую онъ не считалъ себя обязаннымъ приносить. Только одинъ разъ онъ счелъ долгомъ сдѣлать исключеніе и помочь мнѣ. Это было когда понадобилось экстренно закупить муку для погорѣльцевъ сосѣдняго села. Послать на мельницу за мукой нужно было вѣрнаго и опытнаго человѣка, котораго мельникъ, извѣстный плутъ, не обманулъ бы. Я была въ затруднительномъ положеніи, но Никифора не рѣшалась просить. Къ удовольствію моему онъ самъ взялъ шапку и сказалъ мнѣ:

— Нужно мнѣ самому съѣздить, О. В., обдѣлать это дѣло; это дѣло не шутка, а тамъ народы ужъ больно бѣдствуютъ.

Вообще Никифоръ умѣлъ держать себя съ достоинствомъ. Разъ какъ-то, когда онъ пріѣхалъ за моимъ отцомъ на платформу къ поѣзду (тоже по собственной инціативѣ), отецъ сообщилъ мнѣ, пріѣхавъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ и гордостью:

— А вѣдь за мной самъ Никифоръ выѣхалъ на платформу.

Варвара съ перваго знакомства не производила никакого впечатлѣнія. Вся ея маленькая, худенькая фигурка была невзрачна; только довольно правильныя черты лица сохраняли слѣды красоты молодости, хотя его портили морщины, красноватые, всегда нѣсколько опухшіе глаза и безобразно надѣтый, по мѣстному обычаю, платокъ, надвинутый прямо на лобъ и образовавшій сверху острый торчащій уголъ. Ходила она тоже, какъ и Никифоръ, въ домотканной розовой рубахѣ и синемъ сарафанѣ, сшитомъ на старинный ладъ со шнуромъ и пуговицами спереди, поясомъ и карманомъ сбоку; сарафанъ былъ короткій, едва доходившій до щиколотокъ, такъ что издали ее можно было принять за дѣвочку.

Варвара была хорошей хозяйкой. Она прекрасно печетъ хлѣбъ (что между коптевскими бабами рѣдкость). Нѣкоторыя пекли изъ той же муки такіе хлѣбы, что ихъ въ ротъ

брать не хотѣлось. Для того, чтобы испечь хорошо хлѣбъ, нужно хорошо вымыть квашню, мѣсить не больше и не меньше извѣстнаго времени, во время посадить хлѣбы въ печь, во время ихъ вынуть. Для всего этого требуется, разумѣется, вниманіе и трудъ. Такъ же аккуратно Варвара доила коровъ, пряла, ткала. Въ хозяйствѣ у нея было все, что могло понадобиться: корчаги, балàкари, горшки всякой величины и т. под. Когда намъ надобилась, бывало, какая-нибудь посуда, Варвара, подумавши немного, отправлялась въ мазанку и выносила оттуда посуду требуемой формы и размѣровъ.— „Что за хозяйка ты, Варвара,—скажешь ей бывало:—чего-чего у тебя нѣтъ въ хозяйствѣ!“—„А какъ же!—отзывалась она:—нужно всякую вещь про запасъ на всякій случай имѣть“. Приглядываясь понемногу къ тому, какъ я лечила народъ, раздавая имъ нехитрыя лекарства: хину, касторку, капли Боткина и т. п., Варвара запомнила, сколько и въ какихъ случаяхъ чего нужно давать, такъ что, уѣзжая, я могла безбоязненно передать свою аптечку ей, тѣмъ болѣе, что своими подслѣповатыми глазами, Варвара аккуратнѣе меня умѣла отмѣривать капли. При передачѣ аптеки у насъ произошелъ слѣдующій экзаменъ по фармакологіи. Варвара сама попросила меня „покинуть“ мои снадобья и „пойла“ на нее.

— Зачѣмъ путать,—возразила она мнѣ на высказанное мной опасеніе,—я не стану путать.

— Ну, скажи мнѣ, въ этой стклянкѣ какое лекарство?

— Въ этой?—не торопясь отвѣчала Варвара:—это нужно давать, когда у людей сердце щиплетъ (тошнитъ).

Варвара взяла въ руки пузырекъ съ гофманскими каплями—„ихъ нужно по 5 капель давать,—прибавила она“.

— Ну, а это что?

— Это отъ поноса (капли Боткина); дѣтямъ по 10 капель можно давать, а большимъ—по 15 капель, три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Это опять отъ поноса (капли Иноземцева); такое же, похожее лекарство; когда изъ той стклянки не поможетъ, можно изъ этой попытать. Это касторовое масло,—продолжала она,—переставляя бутыли, а это хина; ее надо взрослымъ по большой мѣркѣ, а дѣтямъ по маленькой выдавать; надо на встрѣчу лихоманкѣ давать, пока она еще не забрала человѣка, часа за 3 до этого. И пока человѣкъ лихоманкой болѣетъ, нельзя ему ни огурцовъ, ни квасу, никакой зелени, ни кислаго ѣсть. Дать ему мятнаго чая и пускай съ ситникомъ его пьетъ...

Я не слышала отъ Варвары ни разу лести, къ которой прибѣгали довольно часто многія другія посѣтительницы столовыхъ и чтеній. Варвара была нѣсколько скопидомка и даже скуповата: я нѣсколько разъ замѣчала, что ребятишки, ходя по міру съ сумой, рѣдко подходили къ окошку Демидовыхъ. Съ Никифоромъ Варвара никогда не спорила, хотя и не подчинялась ему слѣпо. Они настолько сжились другъ съ другомъ, что понимали другъ друга съ полуслова. Разлуки они бы, вѣроятно, не могли вынести. Варвара любила иногда пошутить надъ старикомъ. Будучи въ хорошемъ расположеніи духа она начинала иногда разсказывать мнѣ, какъ ее выдавали замужъ.

— Просватали меня за него, О. В.,—посмѣиваясь, начинала она,—а я его не знала, разочекъ всего видала, боялась я его, хотѣла въ другое село отъ него бѣжать.

— Отъ меня-то бѣжать,—укорялъ Никифоръ;—но страхъ передъ нимъ ему видимо нравился.—Что жъ,—зыкнулъ онъ,—ты это вѣрно говоришь, что боялась. Меня нельзя не бояться, потому я бить стану, если мнѣ жена не угодитъ.

— Какъ тебя, отецъ, не бояться: ты, вѣдь, лютой, когда пьянъ. Однова напился, такъ меня чуть до смерти не забилъ.

Напоминаніе это всякій разъ непріятно дѣйствовало на Никифора, но Варвара, очевидно, повторяла это не безъ цѣли. По словамъ свата, Никифора, Никифора отъ водки отучила— „никто другой, какъ жена“.

Помню другой разговоръ.

— Куда это ты запропастился, óтецъ (Варвара говорила съ удареніемъ на о), вчера вечеромъ?—спросила Варвара, полушутя, полусерьезно:—я ужъ и двери хотѣла-было, вѣдь, запирать: надоѣло, думаю, старику со старухой, покинулъ онъ ее.

— Какъ не надоѣсть,—отвѣчалъ Никифоръ въ томъ же тонѣ,—сорокъ лѣтъ живемъ вмѣстѣ, чай ужъ наглядѣлся я на тебя до противнаго.

Особенно хороши были Никифоръ и Варвара, когда вмѣстѣ работали. Мнѣ пришлось видѣть ихъ разъ на гумнѣ. Никифоръ, не смотря на лѣта, ловко и мѣрно подымалъ на лопатѣ зерна и подбрасывалъ ихъ по направленію вѣтра; зерно сыпалось внизъ золотымъ дождемъ, а мякина ложилась, не смѣшиваясь съ нимъ. Варвара ловко и проворно отгребала мякину; помню, также дружно, собрали они обмолоченный хлѣбъ, вымѣряли количество зерна пудовками и уложили въ амбаръ.

Внучкѣ Демидовыхъ, Ольгѣ, было 18 лѣтъ. Высокая, стройная, румяная съ ослѣпительно бѣлыми зубами, граціозной поступью, она обращаетъ на себя вниманіе. Одѣвалась она такъ же безобразно, какъ и всѣ мѣстныя дѣвушки (красная рубаха, красный сарафанъ, красный фартукъ, уродливо подвязанный подъ мышками), но и этотъ безвкусный нарядъ не могъ испортить ея красоты. Въ Коптевкѣ всѣ женщины и дѣвушки выглядываютъ гораздо старше своихъ лѣтъ, но Ольга цвѣла молодостью, здоровьемъ и красотой, несмотря на трудъ и скудную пищу. Возвращаясь къ старикамъ вечеромъ съ жнитвы, загорѣлая, съ почернѣлыми руками, которыя весь день теребили пшеницу, она вносила въ домъ сразу веселье. „Олюшка!— просила ее Варвара,—останься у насъ ночевать, намъ, вѣдь, съ тобой вотъ какъ весело; я тебѣ за то рукава выстираю". Никифоръ принимался самъ раздувать самоваръ для внучки; на столѣ откуда-то появлялась тяжелая черная лепешка съ лукомъ, которую Ольга уничтожала съ необыкновенной быстротой и удовольствіемъ. Выпивъ цѣлый самоваръ кипятку съ прибавленіемъ микроскопической дозы чаю и сахару, обрадованные старики укладывали „мнучку" спать—гдѣ помягче и поднявшись утромъ, по обыкновенію, до восхода солнца, шептались и ходили осторожно, чтобы не разбудить ее. Счастливая, веселая, съ свѣтлой улыбкой, которой озарялось ея милое личико, выходила Ольга на крыльцо подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. „Гляди,—тихо говорила мнѣ Варвара,— будто королева". Я также любовалась красивой дѣвушкой, красоту которой не могла убить бѣдность, также какъ не могла убить она жажды знанія въ К., въ Сергѣевѣ (о которомъ рѣчь будетъ ниже) и душевнаго покоя и доброты въ Татьянѣ Кирилиной. Ольга была неграмотна; она, тоже какъ и мой кумъ и многіе другіе, очень жалѣла о томъ, что я пріѣхала въ деревню не зимой или весной, а лѣтомъ, въ рабочую пору. Ей нельзя было отлучиться изъ дома для занятій, какъ хромой Матренѣ или бездомной Настасьѣ. Семья ея родителей была велика, сѣяла много хлѣба и каждому члену семьи лѣтомъ было очень много работы. Но способности у Ольги были недюжинныя, и расположеніе къ ученію не малое. Когда она присутствовала при чтеніяхъ, ея лицо то омрачалось, то вдругъ засвѣчивалась на немъ ясная улыбка.

Не могу не вспомнить еще одной сожительницы—нашей стряпки и единственной прислуги, Ѳеклы, которая прожила съ нами все лѣто. Это была молодая двадцати-четырехлѣтняя

женщина, солдатка, добрая, честная, заботливая. „Ѳекла—баба хорошая, про нее никто дурного слова не скажетъ, даромъ что она солдатка“, говорилъ про нее Никифоръ. Ѳекла вся ушла въ заботы о семьѣ—двухъ дѣтяхъ, двухъ старикахъ и братьяхъ. У Ѳеклы было много „сухоты“, какъ выражалась она, т.-е. причинъ, которыя сушатъ, заботъ. Ея мужъ, отслуживъ срокъ, не думалъ возвращаться домой; жилъ въ Петербургѣ, получая по 15 руб. въ мѣсяцъ жалованья на всемъ готовомъ и ничего не присылалъ семьѣ въ теченіе пяти лѣтъ, утѣшая бѣдную женщину лишь увѣреніями въ письмахъ, что онъ „страстно скучаетъ о супругѣ“.

И съ Ѳеклой, и съ Демидовыми мы жили все время дружно.

Вспоминая теперь наши отношенія, не могу не высказать, по поводу мнѣній о трудности сближенія съ народомъ, о недовѣрчивости крестьянъ, то что я испытала на себѣ: все зависитъ отъ того, будетъ ли знакомящійся съ народомъ помнить, что это „народъ“, а онъ „интеллигентъ“, или будетъ относиться просто, какъ къ людямъ съ извѣстнымъ нравственнымъ обликомъ, съ извѣстнымъ, хотя и низшимъ уровнемъ умственнаго развитія. Послѣднее, конечно, всегда будетъ чувствоваться, но это не можетъ помѣшать дружескимъ отношеніямъ и довѣрію. Мѣшаетъ довѣрію, оскорбляетъ не превосходство, а пренебреженіе личностью, отношеніе какъ къ безличной частицѣ массы, отношеніе высокомѣрное, хотя бы оно и сглаживалось даже состраданіемъ, сочувствіемъ или даже поклоненіемъ. Существуетъ также мнѣніе, что для того, чтобы сблизиться съ народомъ, нужно жить съ нимъ одной жизнью, заниматься физическимъ трудомъ. Но и не въ этомъ сила. Народъ способенъ оцѣнить пользу умственнаго труда. Какъ-то разъ бабы принялись учить меня прясть, что очень трудно давалось мнѣ. Цѣлый часъ пробились мы и привели въ негодованіе Никифора: „Глупыя вы бабы!—сказалъ онъ,—чего вы ее этимъ дѣломъ занимаете! Прясть-то каждая изъ васъ можетъ; это не ея дѣло: ея дѣло лучше пряжи—книги читать, разъяснить что къ чему! Я вотъ о чемъ хочу похлопотать,—продолжалъ онъ съ необычнымъ для него одушевленіемъ,—не дастъ ли староста общественныхъ досокъ; я бы у своего дома для нея лавку сдѣлалъ, чтобы ей было ловко по вечерамъ сидѣть, книжки читать.

Складываются простыя человѣческія отношенія съ крестьянами сами собой. Нѣсколько труднѣе установить ихъ въ томъ случаѣ, когда приходится быть въ какихъ-нибудь

обязательныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, особенно въ такихъ трудныхъ, какъ, напримѣръ, раздача пособій, устройство столовыхъ. Тутъ, правда, можно, съ одной стороны, разсчитывать на дешевый успѣхъ и популярность въ роли „кормильца“, „радѣтеля“, можно возбудить чисто матеріальную благодарность однихъ и восторженное, чуть не благоговѣйное пожеланіе другихъ—идеалистовъ (нѣкоторыя бабы, напримѣръ, цѣловали у меня платье); съ другой стороны люди подозрительные, скептики, относятся съ крайнимъ недовѣріемъ, подыскиваютъ самые неблаговидные мотивы вашихъ дѣйствій (нѣкоторые мужики, напр., прямо требовали у насъ отчета—откуда получаемъ мы деньги и сколько расходуемъ на столовыя). Нѣкоторые видятъ лишь источникъ, отъ котораго можно попользоваться пособіемъ и стараются добиться своего всѣми способами. Чаще всего пускается въ ходъ лесть, подчасъ очень тонкая. Нѣкоторыя бабы, напр., подмѣтивъ мою слабость къ тѣмъ, кто цѣнитъ грамоту, книгу—постоянно подходили ко мнѣ съ просьбой почитать, дать на домъ книжку, тогда какъ другія прямо въ глаза хвалили беззастѣнчиво мое чтеніе и всѣ мои добродѣтели. Трудно разобраться въ морѣ этихъ разнообразныхъ отношеній къ вамъ, понять должнымъ образомъ каждое слово, пріучить себя къ сдержанности и умѣнью извинять столь простительную въ сущности лесть, и среди этого сложнаго сцѣпленія чувствъ и отношеній, уловить искреннюю симпатію, пониманіе, искреннее благородство, и должнымъ образомъ отвѣтить на все, воздавая Кесарево Кесарю, а Божіе Богу. Порой положеніе мое дѣлалось просто невыносимымъ: сознаніе ничтожности матеріальныхъ средствъ, которыми я располагала, въ сравненіи съ размѣрами нужды, угнетало меня; лесть, искательство, ложь ради получки, напримѣръ, трехъ аршинъ ситца, сокрушали, развивали подозрительность. Особенно тяжело было видѣть лесть въ дѣтяхъ. Но еще тяжелѣе бывало ошибиться, объяснивъ въ худую сторону чистое движеніе души. Въ толпышевской столовой обѣдалъ одинъ старикъ, отставной солдатъ, калѣка, одинокій, „сирота“, какъ выражались крестьяне; онъ съ перваго же раза обратилъ мое вниманіе интересомъ къ чтенію; по окончаніи обѣда онъ всегда усаживался на лавку и не сводилъ съ меня глазъ, то смѣясь, то плача, смотря по впечатлѣнію. Имѣя право обѣдать, какъ и всѣ черезъ день, онъ приходилъ слушать чтеніе каждый день. Заставая иногда конецъ обѣда онъ усаживался слушать, быть можетъ, не ѣвши ничего

въ этотъ день. Ко мнѣ онъ относился съ какой-то восторженостью, видимо былъ счастливъ, когда я обращала на него вниманіе, и все порывался разсказать мнѣ, какъ онъ выражался, „повѣсть своей жизни“. Повѣсть эта заключалась въ томъ, какъ онъ, желая поступить въ монахи, ходилъ по монастырямъ, знакомился съ различными подвижниками и затворниками. Я всегда торопилась, не имѣя времени выслушать его разсказъ, и предложила какъ-то ему придти ко мнѣ въ гости вечеромъ разсказать „повѣсть своей жизни“. Приглашеніе мое буквально осчастливило старика. „Какъ? къ вамъ придти?“ повторилъ онъ. Онъ пришелъ на другой же день и просидѣлъ долго, присутствуя при моихъ занятіяхъ съ Настасьей. Онъ началъ, но не кончилъ повѣсть своей жизни (повѣсть была нескончаема, такъ какъ онъ нѣсколько разъ возвращался къ началу). Уходя, онъ принялся въ такихъ восторженныхъ, чуть не риторическихъ выраженіяхъ, со слезами на глазахъ восхвалять мою добродѣтель, труды, что мнѣ вдругъ стало противно его слушать, показалось, что онъ неискрененъ, льститъ, заискиваетъ. Я вдругъ перемѣнила тонъ, простилась съ нимъ сухо, не пригласила его напиться чаю. Старикъ ушелъ, кажется, ничего не замѣтивъ. На другой день я пріѣхала въ толпышевскую столовую. Въ сѣняхъ старикъ подробно разсказывалъ нѣсколькимъ человѣкамъ о томъ, какъ онъ былъ у меня. Я вспомнила, что день былъ не его и что, слѣдовательно, онъ пришелъ обѣдать, разсчитывая на мое расположеніе къ нему. Какъ на грѣхъ на порогѣ меня встрѣтила стряпуха съ слѣдующими словами: „А вѣдь X.-то не въ свой день пришелъ; ему бы и вовсе не слѣдовало ходить въ столовую-то; онъ вѣдь горшками торгуетъ и семьи нѣтъ у него; онъ даже пенсію получаетъ“. Въ эту минуту (признаюсь со стыдомъ) вся личность старика представилась мнѣ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Войдя въ столовую, я громко при всѣхъ упрекнула его въ томъ, что онъ пришелъ обѣдать не въ свой чередъ и вообще ходитъ обѣдать зря. Старикъ выслушалъ молча. Послѣ обѣда онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ тихо: „Прощайте О. В., я ужъ больше никогда не приду. Ты меня напрасно обидѣла; да я тебя не виню: ты насъ вѣдь не знаешь. А тебѣ про меня пустого набаяли. Правда, я человѣкъ одинокій и горшками торгую, такъ вѣдь я же за то трехъ племянниковъ-сиротъ воспитываю, я ихъ и грамотѣ обучаю. Прощай, О. В. Я тебя всетаки по прежнему буду вѣчно помнить!“ Онъ ушелъ. Мнѣ

стало ужасно стыдно. Нѣсколько спустя я встрѣтила его на базарѣ. Онъ радостно поклонился мнѣ, но не рѣшился подойти и заговорить.

Вообще дѣятельность въ столовой, и при раздаѣ пособія была крайне затруднительна; нужно было порой заглушать въ себѣ состраданіе къ голодному человѣку ради сохраненія общей справедливости и принятыхъ правилъ. Выгонять изъ-за стола ребенка, я была не въ состояніи; сдѣлавъ это разъ, я потомъ не вытерпѣла, и накормила его отдѣльно. Но при раздачѣ, напримѣръ, ситца необходимо было отказывать многимъ. Всѣхъ одѣлить было невозможно, а на ситецъ у всѣхъ глаза разгорались. Бабы нѣсколько дней окружали нашъ домъ. „Отчего ты мнѣ не дала, а Настасьѣ дала?—чуть не въ изступленіи кричали нѣкоторыя.—Какіе мы богачи? Я сама чуть не нагая хожу; я знаю, почему вы такихъ-то обдѣлили... За нихъ Микифоръ словечко замолвилъ...“ и т. д. Я ничего не понимала въ этой путаницѣ. Рѣшить кто богаче, кто бѣднѣе, было крайне трудно. Вотъ, напримѣръ, семья будто бы и не бѣдная—хлѣбъ есть, но ребятишекъ такая масса, мать бьется изо всѣхъ силъ, какъ бы пріодѣть ихъ почище; я бы съ радостью подарила имъ 3 арш. ситцу, но семья не значилась въ спискѣ... Стараясь распредѣлить правильно, я увезла съ собой часть ситцу, не зная кому его отдать. Нѣкоторымъ я оказывала помощь съ условіемъ, чтобъ они никому не говорили объ этомъ. Кто-то изъ мужиковъ замѣтилъ мнѣ съ досадой: „И нужно было тебѣ этотъ ситецъ раздавать. Сколько слезъ изъ-за него пролито. Однимъ досталось, другимъ не досталось; лучше бы ужъ никому не давала“, говорили мнѣ нѣкоторые.

Съ іюля начали появляться тревожные слухи о холерѣ, которая постепеннно подвигалась къ намъ. На ряду съ толками о заболѣваніяхъ и смертности (какъ всегда преувеличенныхъ) шли также извѣстные нелѣпые толки о томъ, будто бы доктора, помѣщики и священники морятъ народъ...

Въ Коптевкѣ бабій клубъ почти не прекращалъ засѣданій. Всѣ находились въ самомъ тревожномъ настроеніи. Большинство не знало, что думать и что говорить, чувствуя только неопредѣленный страхъ передъ чѣмъ-то невѣдомымъ...

Подыскать какое-либо объясненіе многимъ баснямъ иногда бывало рѣшительно невозможно. Въ чувашскомъ селѣ Я—вѣ, напримѣръ, по сосѣдству съ нами произошло слѣдующее: туда воротились съ заработковъ двое тамошнихъ же мужиковъ.

Воротились они съ деньгами, на которыя и стали покучивать. Съ возвращеніемъ ихъ совпало начало холерной эпидеміи въ деревнѣ. Бабы рѣшили, что мужики выручаютъ деньги отъ продажи холеры пудами!... Мужиковъ жестоко избили, и одинъ потомъ умеръ. Былъ судъ.

Недалеко отъ насъ, въ Соловчихѣ, случился пожаръ. Сгорѣло двадцать два дома. Положеніе было очень тяжелое. Кромѣ неурожая, въ деревнѣ пшеницу съѣла кобылка. Послѣ пожара многимъ крестьянамъ приходилось по міру идти. Я рѣшила попытаться оказать помощь погорѣльцамъ, насколько позволяли, оставшіяся въ моемъ распоряженіи, средства.

Рано утромъ я отправилась въ путь. Дорога шла между полями, но картина была въ общемъ невеселая. Низкіе, рѣдкіе, малорослые хлѣба дозрѣвали на выжженной почвѣ; все казалось просило дождя, но дождя не было. Тучи собирались на небѣ часто, гроза, казалось, надвигалась совсѣмъ; но совершенно некстати вѣтеръ разгонялъ тучи, подымалъ пыль и, нанося кучу песку, выбивалъ послѣднія зерна безъ того тощихъ колосьевъ. Вся мѣстность за послѣдніе годы подъ вліяніемъ упорнаго бездождія и усиливающихся горячихъ вѣтровъ, измѣнялась, заносилась пескомъ. Большія пространства по берегу рѣчки, вдоль бора, прежде луговыя, теперь обратились въ песчанную Сахару. Песку нанесено было такъ много, что идти пѣшкомъ было невыносимо трудно; лошадь съ трудомъ переступала, а колеса телѣги глубоко вязли въ пескѣ. Туча, проносясь надъ этой песчаной равниной, поднимается выше, отъ раскаленнаго воздуха; водяныя капли превращаются въ тонкій паръ, уносимый дальше. Что будетъ съ этой мѣстностью черезъ нѣсколько лѣтъ? Перемѣны эти могъ бы предусмотрѣть опытный, знающій хозяинъ, но Коптевскій крестьянинъ только со страхомъ и отчаяніемъ смотритъ на уносимыя вѣтромъ тучи и шепчетъ молитвы.

По мѣрѣ приближенія къ Соловчихѣ, мѣстность нѣсколько измѣнялась, становясь холмистѣе и лѣсистѣй. Поле стало пестрѣть синими, лиловыми цвѣтами, Соловчиха состоитъ изъ 150 безпорядочно раскиданныхъ дворовъ; а видъ хатъ свидѣтельствовалъ о крайней бѣдности, и полномъ упадкѣ хозяйства; соломенныя крыши были на половину разнесены, амбары, бани, плетни покосились; при самомъ въѣздѣ лежала куча обгорѣлыхъ бревенъ.

Я остановилась у одного знакомаго Никифору крестьянина, изба котораго уцѣлѣла. Когда я вошла, въ избѣ была

только куча ребятишекъ. Старшая дѣвочка, лѣтъ 9-ти объяснила мнѣ, что со времени пожара въ избѣ помѣщались три семьи, изъ которыхъ двѣ были оставшіеся безъ крова погорѣльцы. Черезъ нѣсколько времени пришла бабушка говорившей со мной дѣвочки, еще не старая и разсказала мнѣ о пожарѣ. Сгорѣло 23 двора... Новаго хлѣба въ Соловчихѣ еще не было; рожь только начала наливаться и до жатвы оставалось по крайней мѣрѣ еще недѣля. Столовая (удѣльнаго вѣдомства), въ которой кормились ежедневно 100 человѣкъ, была уже закрыта. Въ сосѣднемъ селѣ—Теренки, гдѣ раньше выдавался хлѣбъ, началась холерная эпидемія (умирало по 10 человѣкъ въ день), и сообщеніе съ нимъ было прекращено. Такимъ образомъ Соловчиха была отрѣзана и многіе оставались по три дня не ѣвши. Позвавши сотскаго (староста былъ въ отъѣздѣ), я объявила ему, что хочу открыть на 2 недѣли до жатвы столовую и попросила проводить меня къ священнику, который завѣдывалъ прежней столовой. Священникъ согласился взять на себя устройство столовой и обѣщалъ прислать на другой день ко мнѣ въ Коптевку подводу за мукой и пшеномъ.

Сначала я не обратила вниманія на то, что батюшка не пригласилъ зайти къ нему и продержалъ меня у крыльца на припекѣ. Простившись съ нимъ, я пришла къ учительницѣ А—вой у которой застала въ гостяхъ другую учительницу, изъ сосѣдняго села, Ш. Мы разговорились съ послѣдней; хозяйка же за чѣмъ-то вышла. Возвратившись черезъ нѣсколько времени, она посовѣтовала мнѣ поскорѣй уѣхать. Оказалось, что бабы уже приходили къ А—ой узнавать о мнѣ, кто я, и зачѣмъ пріѣхала, такъ какъ въ деревнѣ стали уже распространяться слухи, будто бы я привезла съ собой холеру! На обратномъ пути мой возница также сообщилъ мнѣ, что сотскій и крестьяне одолѣли его разспросами, откуда я, зачѣмъ пріѣхала и т. д.

На другой день я узнала, что мой пріѣздъ надѣлалъ въ Соловчихѣ цѣлую бурю. Бабы не сомнѣвались что я развожу холеру, упрекали А—ву за то, что она впустила меня къ себѣ. Священника также упрекала его жена, зачѣмъ онъ согласился взять отъ меня хлѣбъ, и говорилъ со мной... Рѣшено было за мукой не ѣздить на томъ основаніи, что мука будетъ *съ холерой*! Однако, за мукой, несмотря на все это, пріѣхали. Нѣсколько дней спустя ко мнѣ явились снова посланные отъ общества Соловчихи—девять мужиковъ изъ погорѣльцевъ, съ просьбой

о пособіи. Учительница прислала мнѣ списокъ бѣднѣйшихъ жителей, которые размѣщены были по 4-мъ графамъ: бѣдные, погорѣлые, больные, сироты. Нѣкоторые значились по всѣмъ четыремъ рубрикамъ. Всѣ девять мужиковъ, когда я вошла въ избу, грохнулись на колѣни. „Помоги намъ, матушка! не оставь насъ, безчастныхъ, умереть съ голоду!“

Мы предложили имъ отдохнуть немного у насъ и пообѣдать. Пообѣдавъ, мужики расположились въ сараѣ на соломѣ; нѣкоторые изъ нихъ заснули, другіе же вполголоса вели между собой разговоры. Я подошла къ нимъ. Сначала со мной говорили неискренно, но мало-по-малу стали сообщительнѣй. Холеры, по убѣжденію крестьянъ, никакой не было. Это все враки, обманъ, говорилъ одинъ, — людей теперь просто на просто всякой отравой подкупленные народы морятъ.— „Да на что же людей морить, кому это нужно, кто подкупаетъ?“— спросила я—„Дай срокъ скажу, что тутъ къ чему,—съ какимъ-то злобнымъ увлеченіемъ отвѣчалъ онъ. Насъ англичанка моритъ; надоѣло ей платить дань Бѣлому Царю. Для этого она подкупила помѣщиковъ, фельдшеровъ, чтобы они православный народъ изводили отравой!“ Я старалась образумить ихъ, говорила, что никакой дани англичанка не платитъ.— „Нешто мы не знаемъ,—убѣжденно возражали мнѣ уже многіе,—что всѣ народы дань русскому царю платятъ. Всѣмъ тяжко стало, а больше всего англичанкѣ, потому нашъ царь у ней пристань выгодную отнялъ“. Я снова опровергаю утвержденіе на счетъ дани, но мнѣ не вѣрятъ. „Нешто ты была въ чужихъ земляхъ, что про нихъ баешь?“—„Была“. —„Туда нельзя проѣхать, говоритъ Никифоръ, не слушая меня.

Съ началомъ эпидеміи большинство интеллигентныхъ обывателей Коптевки стали держаться въ сторонѣ отъ крестьянъ и избѣгать оказывать имъ врачебную помощь, чтобъ не подать повода для нелѣпыхъ толковъ. Моя дѣятельность продолжалась. Съ утра у насъ въ сѣняхъ толпились больные и я едва успѣвала надѣлять всѣхъ лѣкарствами и совѣтами. Фельдшеръ одинъ на нѣсколько деревень; ему приходится пользовать отъ всѣхъ болѣзней 5—6 тыс. человѣкъ, что выполнить физически невозможно, и большинство сельскихъ фельдшеровъ, какъ и учителей— мученики въ полномъ смыслѣ слова. У тѣхъ и другихъ—масса дѣла. Одиночество, крайне тягостная зависимость отъ крестьянъ, крайне скудное вознагражденіе за непомѣрный трудъ, надрывающій физическія и нравственныя силы, а въ перспек-

тивѣ—нищета, полная необезпеченность на старость—таковы условія, въ которыхъ живутъ и тѣ, и другіе. Вознагражденіе, которое получаютъ сельскіе учителя и учительницы въ С—й губерніи, колеблется между 12—20 руб.; нѣкоторые же получаютъ и того меньше (такъ, учительница въ селѣ М. получала 7 руб. 50 к.). Какъ жить на такія средства въ неурожайные годы, когда пудъ муки стоилъ 1 руб 50 к. и фунтъ мяса 8 коп.? Трудность положенія увеличивается еще тѣмъ, что деньги платитъ, въ большинствѣ случаевъ, сельское же общество, такъ что приходится быть въ зависимости отъ крестьянъ, а это бываетъ иногда очень тяжело. Одна учительница разсказывала мнѣ такую сцену. Крестьяне ея села возвращались съ поля усталые, послѣ жнитья; видя ее на завалинкѣ отдыхающей (было лѣтнее вакаціонное время), они замѣтили ей укоризненно: „Ты ничего не дѣлаешь, такъ себѣ сидишь, а мы работаемъ, да тебѣ даромъ 12 руб. каждый мѣсяцъ платимъ...“ Это говорили голодные, измученные, темные люди. Оскорбляться за это на нихъ было нельзя, но каково было всетаки это выслушать учительницѣ? Между тѣмъ выслушивать подобныя вещи приходится нерѣдко. „Много васъ, голодныхъ, у насъ кормится, всѣмъ вамъ, чай, тоже не съ голоду же помирать!“ говорятъ простодушно бабы по адресу учителей, фельдшеровъ, учительницъ. Тѣмъ не менѣе народъ цѣнитъ грамоту, и настойчиво добивается ея. Это подтверждается на каждой страницѣ исторіи русской школы. Стремленіе къ образованію не ослабло даже въ минувшій тяжелый, голодный годъ. Мнѣ пришлось въ бытность мою въ Коптевкѣ познакомиться съ нѣсколькими учительницами и учителями сельскихъ школъ; всѣ они производили на меня впечатлѣніе людей развитыхъ, гуманныхъ, энергичныхъ, бодро несущихъ свой крестъ, относящихся съ любовью къ дѣтямъ и интересомъ къ школьному дѣлу; но отзывы ихъ, разсказы о ихъ жизни производятъ самое тяжелое впечатлѣніе. Требованія отъ учебнаго начальства очень высоки, посѣщеніе школы учениками крайне неаккуратное (напр., весь сентябрь мѣсяцъ, когда не заканчиваются еще полевыя работы, школа почти пустуетъ, а въ концѣ марта ученики снова исчезаютъ, берясь за соху, такъ что пройти весь курсъ нужно менѣе чѣмъ въ 7 мѣсяцевъ); что же остается по исключеніи Рождественскихъ каникулъ, праздничныхъ дней и тѣхъ холодныхъ дней, когда стужа, мятель удерживаетъ дѣтей дома? Ни копѣйки лишнихъ денегъ нѣтъ, чтобъ купить книгу, выписать журналъ, выѣхать хоть куда-нибудь изъ деревни, чтобъ провѣтриться, подышать инымъ воздухомъ, отдохнуть отъ по-

стояннаго вынужденнаго одиночества. Имѣющему семью живется еще труднѣе. Какъ только перебиваются семейные бѣдняги-учителя на 15 руб. жалованья,—трудно себѣ представить! Изъ трехъ учительницъ, съ которыми я познакомилась, при проѣздѣ чрезъ сосѣднія села, одна была дѣвушка, но у ней на рукахъ были двѣ старухи—мать и тетка; другая, овдовѣвъ и имѣя двухъ дѣтей, вышла замужъ вторично за мужика. Учительница села Ш. счастливѣе: ея мужъ фельдшеръ, получающій 25 р. жалованья; она получаетъ 18 руб.; дѣтей у нихъ нѣтъ, такъ что ея положеніе еще болѣе сносное; за то она и выглядитъ бодрѣе. Нужда, какъ бы ни была велика она, легче переносится крестьяниномъ, чѣмъ учителемъ, а тѣмъ болѣе учительницей. Учительница села Ш., посѣтившая какъ-то меня, обратила на это мое вниманіе. Мы стояли на дворѣ, наблюдая за обѣдавшими крестьянами; бабы разговаривали, прихлебывая щи, о томъ, что онѣ будутъ дѣлать, если и на будущій годъ хлѣба не уродится.

— Что жъ! тогда придется по міру идти,—говорила одна изъ нихъ.

— Да куда идти-то?

— Куда? знамо не въ К. и не въ Р.; тамъ и безъ того голодно, а вотъ я хочу попытать въ М. пройти; тамъ, баютъ, народъ привѣтливый и хлѣбъ каждый годъ родится.

— Вы слышали ихъ разговоръ,—сказала учительница,—у нихъ есть выходъ, есть надежда, прежде чѣмъ умереть съ голоду, посбирать кусочковъ, и онѣ знаютъ, какъ это сдѣлать, куда пойти. Наконецъ, для нихъ добрые люди устраиваютъ столовыя. Мое положеніе безнадежнѣе, если я заболѣю или состарѣюсь, мнѣ неоткуда помощи ждать: по міру я не пойду, и въ столовую не пойду; принимать отъ нихъ доброхотное подаяніе—одна надежда, но до чего тяжело это!

Много дѣлаетъ въ тиши народная школа: медленно исподоволь готовитъ она народу основы лучшей жизни въ будущемъ, каждый школьникъ вноситъ свѣтъ въ безграмотную семью; когда по пріѣздѣ въ Коптевку я стала выдавать для чтенія книжки желающимъ, то первыми посѣтителями моей библіотеки явились школьники; черезъ нихъ уже отцы, матери, братья стали также пользоваться книгами. Грамотная молодежь уже рѣзко отличается отъ стариковъ; для нихъ уже открытъ другой міръ — міръ книги, міръ отвлеченностей, далекаго прошлаго, міръ фантазіи. Ихъ умственный горизонтъ несравненно шире, чѣмъ міросозерцаніе

Никифора. Они уже не будутъ въ свободные отъ занятій часы сидѣть, подобно ему, безсмысленно вперивъ глаза въ пространство; 15—16-ти-лѣтніе парни заходили ко мнѣ за книгами вечеромъ, часовъ въ 11, въ субботу, воротясь съ поля, чтобы въ воскресенье съ зари приняться за чтеніе. И когда я начинала раскладывать передъ нимъ книжныя сокровища, какъ загорались у нихъ глаза! „Ахъ, Робинзонъ,—вскрикивалъ отъ восторга одинъ изъ нихъ, К—, я объ немъ слышалъ; сколько лѣтъ уже хочу все прочесть его. А это что?“—„Путешествіе къ сѣверному полярному полюсу?“—„Вотъ интересная книга, должно быть!“

К. по окончаніи школы самъ добылъ себѣ гдѣ-то географію Россіи и выучилъ названія рѣкъ и городовъ. Онъ набросился на книги по естествознанію, географіи; дѣльно, толково разсказалъ мнѣ прочитанную книгу про землетрясенія и „вулканы“, остановившись подробнѣе всего на причинѣ вулканическихъ изверженій. „О падающихъ звѣздахъ“ К. прочелъ еще съ бо́льшимъ вниманіемъ, запомнивъ названія планетъ, ихъ относительные размѣры. Увидѣвъ у меня сочиненіе Жюль-Верна „Путешествіе къ центру земли“, онъ схватилъ его и тутъ же, стоя, сталъ читать съ жадностью. Я предупредила его, что хотя въ этой книгѣ разсказано путешествіе къ центру земли, такъ какъ будто оно было на самомъ дѣлѣ, но понимать этого буквально не слѣдуетъ.—„Я понимаю васъ,—сказалъ онъ.—Сочинитель просто предполагаетъ, что онъ вмѣстѣ съ читателемъ спускается до середины земли, для того, чтобы объяснить ему все, что тамъ находится и какія явленія происходятъ въ глубинѣ земной“.—„Я бы хотѣлъ еще прочесть русскую исторію,—говорилъ мнѣ К. — Я немного ее знаю, да хотѣлось бы подробнѣе прочесть про всѣхъ царей. Старики баютъ, говорилъ какъ-то К., что въ старину жили лучше; а по моему не такъ, въ старину хуже было; всѣ были неграмотные, цари даже грамотѣ не учились; и грубѣе люди прежде были: казни были тогда лютѣе, чѣмъ нынѣ. Теперь народъ, славу Богу, дѣлается умнѣе, потому что грамотныхъ годъ отъ году больше становится“. Кромѣ К. много книгъ прочелъ и съ толкомъ Сергѣй Х., окончившій два года тому назадъ сельскую школу, и Толпышевскій сапожникъ Будниковъ, тоже молодой еще парень. Послѣдній былъ знакомъ съ произведеніями Пушкина, Лермонтова, Гоголя; зналъ имена и даже біографіи этихъ писателей; у меня бралъ читать Над-

сона, Некрасова и выпуски біографической библіотеки Павленкова. Это истый самоучка, со всѣми характерными свойствами этого типа, съ нѣкоторою фразистостью, съ склонностью къ стихотворству. При существованіи хорошей библіотеки, и руководствѣ, хотя изрѣдка, образованнаго человѣка, изъ Будникова и Сергѣя, Х. могли бы выйти дѣльные, недюжинные, люди. Живя въ деревнѣ въ рабочую пору, я не могла видѣть ихъ часто, близко сойтись съ ними. Были, вѣроятно, и кромѣ нихъ въ деревнѣ „страстные охотники до чтенія", какъ отрекомендовались мнѣ названныя лица при первомъ знакомствѣ. Всѣ они жаловались на безкнижье и очень были рады и благодарили, узнавъ, что я оставляю на зиму свою библіотеку, завѣдываніе которой взяли на себя въ Толпышевѣ школьный учитель, а въ Коптевкѣ священникъ, отецъ Петръ.

Глава IV.

Вспоминая время, проведенное въ деревнѣ, я ощущаю такое обиліе самыхъ разнородныхъ впечатлѣній, что порой съ трудомъ разбираюсь въ нихъ: хорошія, свѣтлыя явленія въ родѣ, напримѣръ, описанной сельской молодежи, на которыхъ отдыхаешь душой, встаютъ на фонѣ самыхъ мрачныхъ, тяжелыхъ. И среди этихъ впечатлѣній масса дѣла.

Моя жизнь въ деревнѣ сложилась сама собой и только немного видоизмѣнялась въ зависимости отъ времени и хода полевыхъ работъ.

Рано утромъ, часовъ въ шесть, мои ученицы ужь собирались. Во время урока приходилось заглядывать въ кухню. Въ девять часовъ я распускала ученицъ и ѣхала въ толпышевскую столовую, въ трехъ верстахъ отъ нашего села. Послѣ довольно продолжительныхъ, обыкновенно, поисковъ лошади, я, наконецъ, отправлялась. Заморенная слабосильная лошаденка, обыкновенно, еле везла насъ съ мальчикомъ Мишей, моимъ возницей. У въѣзда въ Толпышовъ къ намъ уже подходили мальчики, поджидавшіе меня, чтобы перемѣнить книжки. Покончивъ съ ними, мы трогали дальше. (Столовая была на дальнемъ концѣ села). Нерѣдко поѣздки разнообразились приключеніями. То ломался ободъ колеса, и мы скакали на спицахъ; то развязывалась дуга, и мы съ моимъ маленькимъ возницей общими силами перепрягали. По пріѣздѣ въ столовую нужно было принять хлѣбъ отъ стряпухъ, перевѣсить его, записать присутствующихъ, записать новыхъ желающихъ

обѣдать, разлить молоко для больныхъ дѣтей, отвѣтить на множество самыхъ разнообразныхъ разспросовъ, выдать книги и переспросить о прочитанномъ дѣтей, почитать вслухъ, потолковать о прочитанномъ и, наконецъ, отвѣсить на слѣдующій день муки и пшена. Все это нужно было сдѣлать какъ можно скорѣе, такъ какъ въ Коптевкѣ тоже дожидались моего возвращенія, чтобъ начать обѣдать. Дома повторялось то же; почти тѣже вопросы и разговоры. Потомъ нужно было еще накормить моихъ ученицъ, продолжавшихъ безъ меня занятія. „Мы ужъ тебя ждали, ждали,—жалобно говорили онѣ:—цѣлую страницу исписали". Послѣ обѣда тоже рѣдко приходилось отдохнуть. Приходили съ просьбами то письмо написать, то дать лекарства, то записать въ столовую обѣдать и проч. Вечеромъ, когда спадалъ жаръ, мы съ отцомъ выходили на крыльцо. Вокругъ быстро собиралась цѣлая толпа. Снова начинались разговоры, раздача книгъ, чтеніе вслухъ. Иногда, если книга заинтересовывала, набиралось человѣкъ до 60. Особенно много сходилось, когда при чтеніи я показывала какія-либо картинки.

Эти чтенія на улицѣ не носили того характера, какъ чтенія въ столовой, о которыхъ я уже говорила. Составъ слушателей былъ очень разнообразенъ, да и движеніе на улицѣ мѣшало бы слушать что-нибудь серьезное.

Особенный успѣхъ имѣли „сказка о рыбакѣ и рыбкѣ" и картина „Рѣпка" (извѣстная сказка, помѣщенная въ „Родномъ Словѣ"). Картина, дѣйствительно, хороша: силуэты дѣдки, бабки, внучки, жучки, мышки, тянущихъ рѣпку, выполнены прекрасно, но слушателямъ доставляло невыразимое наслажденіе чтеніе текста. „Посадилъ дѣдъ рѣпку, выросла рѣпка большая, пребольшая". Сзади, сбоковъ при каждомъ словѣ раздавался хохотъ, самый неудержимый. Взрослые смѣялись такъ же, какъ дѣти.

— Поди ты какое чудо! мышка имъ помогла! даромъ, что маленькая!

— Гляди-ко, вѣдь другой разъ и впрямь ребенокъ самый малый тебѣ подмогу окажетъ!

Рѣпка повторялась, комментировалась на всѣ лады. Каждому хотѣлось дать свое объясненіе, показать, что онъ не просто какъ сказку, не буквально понималъ.

„Ну разскажи ужъ еще разъ сначала, по порядку,—проситъ меня Никифоръ:—вонъ еще старикъ пришелъ и баба, съ того конца села пришли—ужъ больно хочется имъ послу-

шать. Даже земскій писарь Флегонтъ—щеголь, держащій себя бариномъ и аристократомъ, не вытерпѣлъ и пришелъ однажды, увлекаемый общимъ теченіемъ, посмотрѣть и послушать, какъ дѣдъ теребилъ рѣпку. — „Ахъ, батюшки, сколько народу, страсть!—говоритъ, оглядываясь на толпу, прижавшаяся ко мнѣ Даша:—погляди, О. В.!“—„Да ужъ ты больно гоже читаешь про рѣпку,—съ необычайной живостью говоритъ Никифоръ;—вѣдь нонѣ такіе народы къ тебѣ пришли сюда, которые, можетъ, цѣлый годъ изъ хаты не вылѣзали: старики древніе, не то что! Всякому хочется поглядѣть!“—„Еще бы,—подхватываетъ Ѳекла:—нешто мы видѣли такое?—Мнѣ и весело и грустно въ одно и то же время: весело видѣть этихъ развеселившихся, довольныхъ людей; грустно за ихъ неразвитіе.

Когда Рѣпка, выдержавшая не менѣе десяти представленій, сошла со сцены, такъ какъ почти все село изучило ее, на смѣну ей явилась „золотая рыбка“, потомъ „Судъ царя Соломона“. Картины Царь Квутъ, Дѣвченки умнѣе стариковъ и другія не производили почти никакого впечатлѣнія.

Чтеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока темнота не разгоняла публику по домамъ. Скоро все смолкало; деревня погружалась въ сонъ; только стукъ караульщика прерывалъ тишину ночи. Такъ проходилъ іюньскій день. Онъ разнообразился иногда тѣмъ, что послѣ обѣда я отправлялась въ боръ. Расположившись подъ соснами, я читала, писала; кругомъ господствовала полнѣйшая тишина, лишь верхушки сосенъ шумѣли слегка, да вдали гдѣ-то кричали цапли. Сосны ровныя, высокія стояли словно загадочные великаны, воздухъ былъ наполненъ смолистымъ запахомъ; высоко, высоко синѣло небо; солнечные лучи почти не проникали въ лѣсную чащу.

Послѣ Петрова дня зажали. Деревня опустѣла, вечернія чтенія прекратились.

Ученицы мои стали забѣгать ко мнѣ только на минуточку, „на повидку“. Правда, выпадали дни, когда нѣкоторыя изъ нихъ возвращались съ поля почему-либо раньше и, слѣдовательно, могли бы поучиться, но нарушенный ходъ занятій дѣйствовалъ на всѣхъ охлаждающимъ образомъ: дѣти, освободившись отъ работы, бѣжали на рѣчку купаться, или рвать стручки, которые уничтожались съ наслажденіемъ, и только одна Даша оставалась неизмѣнной и аккуратной ученицей.

— Я у тятеньки отпросилась, чтобъ меня не брали въ поле; мама и то за меня ему побаяла: „много ли она нажнетъ, а вѣдь грамотѣ поучиться тоже, баетъ, плохо ли?“

Я едва вѣрила, что малютка Даша считалась въ семьѣ работницей, но мнѣ пришлось увѣриться въ этомъ, видя потомъ своими глазами, какъ ловко она и другія такія-же работницы подбирали колосья, вязали снопы, или няньчили дѣтей. Урожай былъ такъ плохъ, что пшеницу не только не жали, но и не косили даже, а просто-на-просто теребили, т.-е. выдергивали изъ земли руками. Работа страшно трудная. Къ тому же одинъ видъ поля приводилъ крестьянъ въ уныніе. И пшеницу, и рожь мѣстами поѣла кобылка, всѣ хлѣба отъ бездождья уродились низкіе, плохіе, колосъ совсѣмъ не наливной; ржи, напримѣръ, на десятинѣ посѣяли 7 пудовъ, а собрали 12 пудовъ; овса и на сѣмена не набрали. Грозный призракъ тяжелой будущей зимы стоялъ передъ каждымъ, но, какъ бы ни было, съ тѣхъ поръ, какъ въ деревнѣ появился новый хлѣбъ, всѣ „маленько вздохнули“. Дѣти повеселѣли, стали выбѣгать на улицу съ лепешками въ рукахъ. Но, „то ли дѣло было въ прежніе годы, говорили мнѣ крестьяне,—нашей деревни не узнаешь! Теперь, вишь, и пѣсни не услышишь николи, а то, бывало, не то что: въ воскресный день дѣвки такъ и заливаются, смѣхъ, говоръ,—просто такъ и стоитъ дымъ коромысломъ надъ деревней. Ребятишки день-деньской съ лепешками бѣгаютъ“. „Мы тебѣ вотъ что разскажемъ,—говорили мнѣ какъ-то дѣти, съ увлеченіемъ предаваясь воспоминаніямъ о недавнемъ прошломъ:—мы, бывало, пойдемъ за кусты на рѣку и сидимъ тамъ, въ карты играемъ (карты распространены даже между дѣтьми). Нужно намъ домой за какимъ-нибудь дѣломъ сходить, да не хочется: вотъ мы и пошлемъ кого-нибудь побѣднѣе: поди, сходи, мы тебѣ за это (за одну ходьбу-то!) пол-лепешки дадимъ“. Всѣ вообще очень любили вспоминать о счастливыхъ урожайныхъ годахъ. Бывало, у насъ народъ такой ли былъ? былъ народъ „цвѣтной“, а теперь всѣ просто какъ земля черные стали да оборвались. И правда, отъ крайне неудовлетворительнаго питанія, не говоря уже о взрослыхъ, и у дѣтей, цвѣтъ лица былъ землистый, губы блѣдныя; являлись многочисленныя заболѣванія куриной слѣпотой, лихорадкой, многіе жаловались на головокруженіе, тошноту, слабость. Но дѣти быстро поправлялись. Мои ученицы повеселѣли на моихъ глазахъ, съ тѣхъ поръ, какъ стали обѣдать въ столовой. Какая Матрена стала румяная да пригожая, какъ-то замѣтила я про одну изъ нихъ, раньше поражавшую меня блѣдностью и худобой. „Еще бы, ты ее не даромъ кормила мѣсяцъ-то, вотъ она и стала у тебя приго-

жая“,—замѣтилъ на это нашъ хозяинъ Никифоръ. Объясненіе было вѣрно, а между тѣмъ, обѣдъ составляли только пустыя щи, каша и фунтъ хлѣба. Съ сытостью возвращались къ дѣтямъ рѣзвость и живость.

Съ началомъ жатвы число обѣдающихъ въ столовыхъ уменьшилось; въ окружающихъ селахъ столовыя были закрыты 1-го іюля; наши продержались до 15-го, но народу ходило значительно меньше. У меня оставалось больше свободнаго времени, которое я проводила большей частью въ лѣсу.

Въ августѣ ученицы мои снова стали ходить исправнѣе: я раздала имъ тетради и чернила, что привело ихъ въ неописанный восторгъ. Старались учиться всѣ, не исключая и лѣнившейся, сначала, Тани. Наконецъ время было уже ѣхать. Разставаться было тѣмъ тяжелѣе, что отношенія успѣли уже выработаться хорошія, искреннія. Послѣдніе дни меня просто разрывали на части; всѣмъ хотѣлось побыть со мной; лесть, заискиваніе, такъ огорчавшія и раздражавшія меня въ началѣ, какъ-то отошли въ сторону. Сколько выражено было искренняго, неподдѣльнаго чувства!.. Передъ отъѣздомъ было нужно повидаться и съ интеллигентными обывателями Коптевки, съ которыми мы во время холерной паники какъ-то прекратили сношенія. Къ намъ часто сталъ навѣдываться батюшка, любившій побесѣдовать вечеркомъ и интересовавшійся многимъ, помѣщица, привѣтливая, симпатичная старушка, Коптевскій и Толпышевскій учитель, помѣщики сосѣдняго фабричнаго села и, наконецъ, окружной надзиратель, съ которымъ лѣтомъ мы вели нерѣдко горячіе споры о народѣ и пріѣхавшая къ концу лѣта его жена. Мы стали отлучаться, чтобъ провѣдать этихъ лицъ. Дѣти всегда, бывало, ворчали полушутя на кучера, увозившаго насъ: „у, этотъ увезъ ее!“ Послѣдніе дни были просто тягостны: они-было снова омрачились раздачею ситцевъ на прощанье, но уже не въ такой степени, какъ раньше. Всѣ просили писать. Мнѣ и самой хотѣлось знать, какъ будутъ жить Коптевскіе крестьяне зимой.

6-го августа на Преображеніе на крыльцѣ у насъ снова собралась большая толпа, „почитай намъ въ остаточекъ!“ говорили мнѣ. Я прочла нѣсколько главъ изъ Евангелія, еще разъ о землетрясеніяхъ, о полярныхъ странахъ, небольшой разсказъ К. „Омелько каторжникъ“. Вечеромъ въ избѣ у Никифора собралось за чаемъ нѣсколько мужиковъ; я читала имъ выдержки изъ газеты о холерѣ, урожаѣ въ разныхъ мѣстностяхъ, прочла печатавшіеся въ „Новомъ Времени“

статьи по „Русскимъ хозяйствамъ“ и „Ярославскіе огородники“.

— Вотъ за это чтеніе благодаримъ,—проговорилъ вставая одинъ изъ мужиковъ:—намъ это полезно послушать, какъ въ другихъ мѣстахъ люди все чего-нибудь добиваются, а мы одной землей живемъ, никакого подспорья у насъ нѣтъ; не уродилъ Богъ хлѣбца, и мри съ голоду.

Въ воскресенье происходило съ утра до вечера прощанье.

— Вишь какъ одолѣли тебя!—съ участіемъ говорилъ Никифоръ:—видно, что ты народу показалась (понравилась), а то стали бы, что-ли, этакъ-то одолѣвать тебя!

Наканунѣ отъѣзда у меня оставалось еще множество дѣла: нужно было передать книги священнику и учителю, посѣтить въ послѣдній разъ семью крестника, больную мать Тани, побывать еще разочекъ подъ яблоней въ саду у Матрены, „а тутъ еще больные приходили до самой послѣдней минуты. Я укладываю торопливо послѣднія вещи въ сумку. „О. В.“,—зоветъ меня старуха, я къ тебѣ вотъ на счетъ чего пришла: ты давеча лѣкарство мнѣ выдала, а я забыла у тебя спросить: какъ его пить?—въ квасу, что-ль?“

Ѳекла, помогавшая мнѣ укладываться, только руками всплеснула.

— Ахъ, батюшки, да что же это? Да ты пойми, бабушка, что квасу и вовсе при этой болѣзни пить не слѣдуетъ, а не то что лѣкарство въ квасу принимать!

— Ну, что ты смѣешься? Смѣшнаго тутъ ничего нѣтъ,—ворчливо произноситъ старуха: „я вѣдь и не давала въ квасу-то; только разузнать пришла.

Утро въ день нашего отъѣзда, 10 августа, изъ Коптевки было холодное, вѣтряное, совсѣмъ осеннеее. Посинѣлые отъ холода, дрожащіе въ своихъ рваныхъ полушубкахъ, съ замученными личиками прошли мимо нашей избы нѣсколько ребятишекъ, уже посланныхъ „въ кусочки“. Скупо подавалось подаяніе, безнадежно раздавались протяжные грустные дѣтскіе возгласы. Такъ какъ день былъ будничный, то народъ былъ въ полѣ; тѣмъ не менѣе у крыльца нашего собралась довольно большая толпа провожать насъ; дѣти кутались въ полушубки. Всѣ мы „въ остаточекъ“ усѣлись по заведенному обычаю на крыльцѣ; мои ученицы прижались ко мнѣ со всѣхъ сторонъ; рядомъ со мной усѣлись Ѳекла и Матрена. Настасьи не было; она недѣлю тому назадъ распрощалась со мной, уходя на жнитво; съ поля съ серпомъ въ рукахъ прибѣжала, на ча-

сокъ, Ольга; крыльцо заняли дѣти, а бабы расположились рядомъ на длинной завалинкѣ.

— Ахъ батюшки!—вскричала Ѳекла,—гляньте ужъ лошадь запрягли! Уѣдешь ты сейчасъ отъ насъ!

Мы усѣлись на дроги, которыя послѣдній разъ перевезли насъ черезъ рѣчку, обдавшую насъ холодными брызгами; дѣти, быстро, приподнявъ сарафаны и портки, засеменили по водѣ, огласивъ пустынную рѣчку своимъ звонкимъ смѣхомъ. Переѣхали черезъ луговину; провожавшая насъ компанія расположилась въ ожиданіи поѣзда на платформѣ, я же, воспользовавшись остающимся до прихода поѣзда временемъ, пошла проститься съ боромъ. Точно помолодѣвшія, нарядныя, свѣжія послѣ дождя, стояли высокія, столѣтнія сосны; все также привѣтливо и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько сурово шумѣли онѣ верхушками. Но вотъ въ отдаленіи зашумѣлъ поѣздъ, который останавливался на платформѣ лишь на $^1|_2$ минуты. Торопливо простились мы со всѣми. Быстро промелькнула мимо меня платформа, стоящій на ней народъ, замелькали стройныя сосны, убѣгая въ противоположную сторону; знакомыя поля скрылись, замѣнившись новою мѣстностью, новымъ видомъ. Коптевка осталась далеко позади, мы мчались на югъ. Удастся-ли еще когда-нибудь побывать въ Коптевкѣ? Будетъ-ли это при болѣе благопріятныхъ условіяхъ? Посѣтитъ-ли еще кто-нибудь изъ интеллигентныхъ людей этотъ заброшенный уголокъ? Большинство интеллигенціи проводитъ лѣто на дачахъ, истрачивая много денегъ. Между тѣмъ жизнь въ деревнѣ, здоровая, укрѣпляющая, обходится очень дешево; мы платили, напримѣръ, за квартиру 3 р.; столъ намъ обходился копѣекъ 20 или 30 въ день на двоихъ; вообще вся жизнь намъ обоимъ стоила 25 р. въ мѣсяцъ, хотя всѣ жизненные припасы были въ этомъ году очень дороги. Работая непрерывно съ утра до вечера, я окрѣпла физически гораздо больше, чѣмъ въ предыдущіе годы, когда проводила лѣто „на водахъ". Звонки, торопливая снующая взадъ и впередъ толпа, говоръ, свистки паровоза—все это оглушало, казалось чѣмъ-то дикимъ, хаотическимъ послѣ сельской тишины. Вотъ и большіе города съ ихъ высокими коллоссальными зданіями, ѣзда по стучащей мостовой, многолюдство, куда-то спѣшащая, безпокойная, мечущаяся толпа. То и дѣло среди этой городской сутолоки мнѣ вдругъ съ необыкновенною ясностью представился боръ, шумящія сосны, широкая деревенская улица и собравшаяся около крыльца толпа, однообразный разговоръ, знакомыя лица.

Прошло слишкомъ полгода съ тѣхъ поръ какъ я вернулась изъ Коптевки. Въ теченіи зимы я получала отъ коптевскихъ и толпышевскихъ крестьянъ много писемъ. Просто, безъ фразъ, описывали они, какъ трудно жилось зимой, какъ настоятельно нужна была помощь... Отецъ Петръ (священникъ Коптевки) и толпышевскій учитель, съ которыми я также была въ перепискѣ и которымъ оставила книжки для чтенія крестьянамъ, сообщали мнѣ, что, несмотря на нужду, бѣдность, ихъ продолжали усердно читать, что большинство прочло ихъ уже всѣ и просило новыхъ.

...Безсмертенъ духъ, онъ властвуетъ надъ тьмою
И мысль царитъ: убить ее нельзя!

О. В. Кайданова.
